

ВАЛЕНТИНА НЕСТЕРОВА

О ЛЮБВИ МОЕЙ
РАССКАЖЕТ
ВЕЧНОСТЬ

Валентина Нестерова

О любви моей

расскажет вечность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43721604

ISBN 9785005022295

Аннотация

Доисторическая Русь, четырнадцатый век во Франции, девятнадцатый – в Российской империи. Какие события связывают эти времена и пространства? Ответ короток – земные воплощения одних и тех же душ. Герои этого романа из века в век идут по жизни рядом: любят, предают, ненавидят, жалеют, проклинают и прощают друг друга. Главная героиня, вспоминая свои прошлые воплощения от ведуньи из племени ведрусов до французской графини, отправившейся за внуком в Сибирь, учится прощать, жить и любить...

Содержание

Файл первый. Признание Магистра	5
Конец ознакомительного фрагмента.	98

О любви моей расскажет вечность

Валентина Нестерова

*Между Временем и Бездной
Чертим мы свои спирали...
Почти по Н. Гумилеву*

© Валентина Нестерова, 2019

ISBN 978-5-0050-2229-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Файл первый. Признание Магистра

Не спалось.

Зря она попросила дочь сдвинуть шторы неплотно.

Луна слишком близко спустилась к окну, расстелила дорожку, словно приглашая: встань и иди. Но где взять сил, смелости? К тому же врачи обещали ещё недели две-три жизни, при условии, если будет слушать хорошую музыку, для чего магнитола на её прикроватной тумбочке была настроена на волну старых песен о главном, при громкости почти на нуле...

Чтобы не думать о смерти, Маша включила приёмник.

«А любовь как сон, а любовь как сон, а любовь как сон стороной прошла...» – безжалостно исполнила известная певица.

Палец тут же оказался на кнопке «operate».

Стоп!

Почему она никогда не представляла себя старухой, не нянчила в мечтах внуков, не сидела с пенсионерками на лавочке у подъезда?

Неужели, знала?

Возможно, гены сообщили мозгу: нас запрограммировали на сорок лет.

– В геноме два метра генов, хватит, чтобы повеситься, – бездушно напомнила о себе боль.

Маша прикрыла глаза: *скорей бы уж!*

Но, вероятно, даже её больному мозгу мысль показалась не в меру пораженческой.

«В одной из школ Платона больные лечились декламацией стихов» – неожиданно выплыло из глубин ещё студенческой памяти.

«Язык онемел, не до декламаций...» – скрипнула извилина в левом виске.

«Но, глаза-то ещё видят!..» – беззвучно возразила она, протянув руку к стопке лежащих на тумбочке поэтических томиков. Будто клавиши, перебрала пальцами корешки с именами любимых авторов: Петрарка, Цветаева, Бродский. Гумилёв.

Когда ей становилось невмоготу от суеты и хотелось избавиться от оупляющей дробн буден, она, обращаясь к его полифоническим строкам, улетала в сотворённые звуками пространства, где, загипнотизированная иными ритмами, отдыхала её душа.

И всё же, благодарно погладив «Гумилёва», она, словно повинувшись чьей-то воле, вытащила сборник русской лирики девятнадцатого века, который сам, не случайно! раскрылся на стихотворении Бенедиктова «Переход»...

Видали ль вы преображённый лик Жильца земли в священный миг кончины, В сей пополам распределённый миг, Где жизнь глядит на обе половины? Здесь, кажется, душа, раз-

облачась, Извне глядит на это облаченье, Чтоб в зеркале своём последний раз Последних дум проверить выраженье...

Нет!

«О выражении своего лица в гробу я ещё, точно, не думала! И не буду! Не хочу!» – захлопнула она книгу, задумалась.

Память своевольно перелистала страницы прошлого...

«Запомни, внучка, нет ничего дешевле денег и дороже души, береги её пуще жизни, потому что ей смерть не страшна» – говорил дед фронтовик.

Отец не поучал. Больше молчал. Уезжал на дежурство, возвращался без кровинки на лице. День пил, день спал. Мама его жалела: послужи-ка неделю под землёй со смертью подмышкой!

Уйти на неделю лучше, чем навсегда.

Он умер совсем молодым, наверно, она в него.

Бедная мама. Трудно ей будет с внучкой. Лада похожа на отца: он лев, она львица. С одной стороны настоящая хищница, своего не упустит, с другой – доверчивое, искреннее, ласковое дитя природы. Не пропала бы в джунглях бабушкиного бизнеса, где царица – выгода, царь – капитал.

Теперь и не подумаешь, что мама почти четверть века преподавала в школе историю, на уроках ретро-сценки с учениками разыгрывала. Убеждала: прошлое – самый увлекательный, непредсказуемый, документальный роман.

Она поверила...

Из памяти выплыли студенческие годы, археологические экспедиции, раскопки, артефакты. Потом решение взрослую жизнь начать в Забайкалье, в школе, где когда-то преподавала мать, где могила отца, и где она встретила своего суженого.

Вернее, так думала, но!.. ошиблась. И осталась одна, без любви, без поддержки, оттого, наверно, так безнадёжно заболела. Даже экзамены у детей не сможет принять. Андрей, конечно, возьмёт на себя...

Он странный, не похож на других. Вместо букета принёс и посадил под окном куст черёмухи. Сказал, это молельное дерево: цветущие гроздья похожи на свечи.

Зря она...

Школа с первого взгляда влюбилась в него, а она ревновала. Устраивала баталии. На одно его слово – два!

«Зодиак зодиаком, а человеку, главное, прожить свой жанр» – заявил он однажды. А она: по-вашему, судьба одному сочиняет роман, другому повесть или рассказ? А он: кому панегирики, кому эпитафии...

Следуя идее Веснина, высшие силы уготовили ей хокку типа: *На год или на день сороковой Душа стремится на свиданье с небом, А тело возражает стать землёй.*

– Японская поэзия тут не причём! – раздался рядом голос.

– *Обломала крылья О рёбра решётки Вскормлённая*

в неволе души, – вольным стилем возразила незваному собеседнику Маша.

– Самое время вспомнить о душе, – баритоном с нотами ржавчины согласился он.

– Кто здесь? – не сознавая, что включается в разговор с невидимкой, спросила она.

– Я, – срываясь с баса на тенор, ответил он.

От удивления Маша «включила» глаза, то есть, так странно прозрела, что на фоне колыхнувшейся ночной шторы увидела старика в белом шёлковом плаще с красным крестом на груди.

– Смерть нынче приходит в плаще тамплиера? – за шуткой спрятала страх она.

– Дань прошлому, когда-то был Магистром, – слегка поклонился он, – и я пришёл не забрать твою жизнь, а наоборот, рассказать предысторию...

– Предыстории даже в университетах не учат.

– А жаль!

– Не надо жалости, я не маленькая, – рассердилась на задрожавшие губы Маша, учительским тоном продиктовала, – скажите честно: ты умерла! – Строго спросила, – куда теперь, в тоннель?

– Я знаю путь короче, – манящей синевой полыхнули глаза непрошеного гостя.

«Очнись, он иллюзия, созданная больным мозгом» – приструнила она себя.

– Я не привидение, не мираж, не твоя смерть. И мы с тобой знакомы не одну тысячу лет, – шагнул вперёд бывший Магистр.

– Белый человек?! – вдруг вспомнила Маша призрак, который испугал её неземными речами в первые дни её забайкальской жизни.

– Ты просила меня не тревожить тебя, но сейчас я обязан, – сделал он ещё шаг, и оказался на проложенной через окно лунной дорожке.

Теперь она могла лучше рассмотреть его.

Серебряный ёжик волос, почти прямоугольное лицо, открытый лоб, чёткий рисунок бровей, прямой нос, не съеденный старостью рот, вертикальные складки на чуть впалых щеках. Широкая кость, хорошее сложение, высокий рост. Цвета ранних сумерек глаза.

– Я была глупой, трусливой девчонкой...

– А я не сразу понял, что твоя встреча с Александром обусловлена кармой, – покаянно признался Белый человек.

– Мы давно разошлись, – глухо сообщила Маша.

– *Два тела встретились, приглянулись друг другу и решили: ЭТО любовь,* – сочувственным «хокку» пояснил ситуацию он.

– Не совсем так! – по привычке возразила она.

– Главное, Лада осталась с тобой, – миролюбиво заметил он.

– Вы знаете, как зовут мою дочь?

– В нашем роду всех женщин называли Ладами, Мариями, Софьями.

– Что значит, в нашем роду? – снова удивилась Маша.

– В трёх словах не расскажешь, лучше всё увидеть самой, – провёл рукой по опалённой бороде Магистр.

– *Тот свет* – кино, в отличие от *этого* – театра? – попыталась пошутить она.

– Кино не кино, а видеотека с файлами твоих судеб *там* действительно существует.

– Моих судеб?

– Иначе говоря, земных воплощений, – уточнил гость.

– Разве *туда* вход живым не запрещён? – подыскала причину отказать своему любопытству Маша.

– У меня есть ключ, – протянул ей руку Магистр.

– Утром Лада проснётся, а меня нет...

– Мы вернёмся через семь минут, которые, возможно, изменят твой диагноз, – приободрил он.

– У меня не диагноз, у меня приговор, – потеряла силы сопротивляться она.

А в голову пришло: врач предупреждал, возможны галлюцинации...

– Разреши один экскурс, – уловив волну сомнения, и не дождавшись ответа, продолжил Магистр. – Было двадцатое июня, по мнению мистиков, самый счастливый день в году. Третий курс позади. Каникулы. Ты выходишь из цветочного магазина как юная мать из роддома, прижимаешь

к себе купленную бегонию, огораживая бутоны от ветра. И вдруг тебя поражает мысль, что ты похожа на комнатный цветок. Тебя поливают, подкармливают. Но приходит день, другой, и! забывают полить. Как тебе выжить тогда, вообще, как жить?

– Откуда вы знаете? – шёпотом спросила она.

– Читать мысли – моё наказание за то, что, грешен: Любовь и Слово употребил во зло.

– Подслушивать тоже... большое свинство!

– Лжецов лишают голоса, их удел до скончания века мычать что-то в своё оправдание, но мне дали ещё один шанс, – не услышал её Магистр и, будто вернувшись на землю, прибавил, – а ты правильно сделала, что сослала себя в Забайкалье.

– Почему сослала? Забайкалье – страна моего детства...

– И одной из твоих могил, – продолжил фразу Белый человек.

– Это у вас *там* юмор такой? – рассердилась Маша.

– Не обижайся, дочка, – протянул ей руку Магистр, – и не бойся, дорога на небеса ещё никому не повредила.

– Не в ночной же рубашке! – уже на себя рассердилась она.

– Тело придётся оставить, а для души я прихватил твоё первое взрослое платье, – взмахнул в воздухе тончайшим льном Магистр.

– Моё любимое, – обрадовалась Маша вспыхнувшей в памяти картинке из другой, давно забытой жизни, где она дев-

чонкой собирала в лесу корниья, ягоды и травы, чтобы в различные цвета окрасить нити и вышить на подоле невестинного убранства узор-оберег.

И рухнула стена недоверия.

– Забыла, как выбраться...

– Через темя, как шампанское. Молодец.

Всё случилось в секунду. Пробкой в потолок. Вернее, сначала в платье, а уж потом вверх.

– Захвати флэшку, – оценил её готовность к путешествию
Магистр.

Она рванулась к письменному столу, но её рука прошла сквозь копилку компьютерной памяти.

– Прости, я сам, – извлёк и спрятал в складках плаща миниатюрную панель Магистр.

– Как странно, – оглянулась Маша на своё безмолвное тело, – я уже не я.

– *Nosce te ipsum*, – жестом пригласил он её ступить на лунную дорожку.

– Когда-то познать себя мне советовала бурятская шаманка, но я не думала, что для этого надо умереть...

– Ты не умрёшь, это как в детстве летать во сне...

Она не почувствовала ни скорости, ни ветра в ушах.

Весело подумалось: наверно, мои уши остались при теле.

И, слава Богу, вместо мрачного тоннеля, мимо мелькали разноцветные слои сахарной ваты.

– Я и Бога увижу? – совсем осмелела Маша.

– Не уверен, я пятьсот лет не решался погастся Ему на глаза.

– Почему?

– Слишком уж Он светел и чист...

– Но, говорят, всех прощает, – уточнила она.

– Пожалеть, пожалеет, а в соратники не возьмёт, – улыбнулся Белый человек, – но об этом поговорим позже.

– Разве беседа не сокращает расстояний? – прозрачно намекнула она на своё желание разузнать о духовном мире как можно больше.

– Мы уже прибыли...

Маша не поверила глазам: равнина внизу была похожа на полотно, написанное в стиле абстрактного экспрессионизма, причём, художник явно не сдерживал эмоций. Яркие лужайки маков, жарков, васильков, ромашек, фиалок окаймляли белокаменную часовню, охраняемую строем цветущих черёмух.

– Здесь твоя Книга судеб, личный архив, называй, как хочешь, – помог ей спуститься Магистр. – Вход посторонним воспрещён, но если позволишь...

– Без вас я... заблужусь, – с трудом подобрала подходящее слово Маша.

Хотя заблудиться в «однокомнатном» храме со стеклянной дверью на полстены было бы затруднительно.

– Когда ты вернёшься сюда, вспомнишь кодовое слово, а сейчас с твоего разрешения...

– Я же сказала... – замороженная красотой стеклянной, в золотом окладе с алмазной инкрустацией двери, напомнила она.

Звякнули ключи.

Они вошли в овальный зал, посреди которого возвышался похожий на кукурузный початок в человеческий рост перст.

Над ним медленно кружилась внушительных размеров книга с золотым тиснением обновляющихся букв на корешке.

– Попасть в подобный переплёт, большая честь, – почти-тельно склонил голову Магистр.

А Маше показалось, кто-то набирает код из знакомых ей букв.

Когда на корешке сложилось слово «ВЕСТЬ», книга замерла.

– Весть, – взволнованно прочитала она.

– Одно из имён Бога, – пояснил Магистр. – Весть. Слово. Информация.

– Информация?

– Во всём многообразии форм: волн, частот, диапазонов, цифр, генов. И ещё кодов, пикселей, блогов...

– В небесной канцелярии на меня завели веб-страницу? – не зная, что и подумать, пошутила она.

– Точнее, веб-сайт, – многозначительно улыбнулся он.

«Поговорим об этом на обратном пути» – подумала Маша, не в силах отвести глаз от парящей над головой книги. Ей даже захотелось взлететь, чтобы перелистать её страницы, как вдруг! пришёл в движение, распахнул створки вертикальных ячеек с золотистыми компакт-дисками кукурузный «перст».

– Записи твоих воплощений, – пояснил Магистр.

Она протянула руку, взять диск наугад, но, вспомнив неудачный опыт с флэшкой, тут же её отдёрнула.

– Мы общаемся с помощью азбуки мозга, пожелай, чтобы он оказался в твоих руках, и...

Не успел Магистр окончить фразу, как его слова материализовались. Цвета червонного золота диск оказался в руках Маши, её пальцы ощутили лёгкое покалывание, присмотревшись, она увидела проявленную надпись «Франция, 14 век».

– Небесная логика – начать знакомство с последнего моего воплощения, – ладонью просканировав ячейки «початка», выманил другой диск Магистр, прочитал: Русь, год Белого Филина, – задумчиво произнёс, – в этот год я, один из двенадцати волхвов северного рая, которому доверили хранить суть Слова, солгал, потерял голос, за что природа заблокировала азбуку фауны и флоры в моей голове, лишила меня силы влиять на траектории метеоритов...

– Предлагаю все диски забрать! – испугалась его тайной маяты Маша.

– Все на флэшку не поместятся, – ещё погружённый в се-

бя, возразил Магистр, – ты иди, погуляй меж черёмух, а я скачаю, что смогу.

– Хорошо, – прощальным взором окинув «архив» своей души, оставила она его одного.

Воздух показался живым, весёлым, вкусным. Любящим. Ей всегда хотелось быть любимой. Без всяких причин. Просто потому, что она есть, и хочет жить, несмотря на тьму разочарований.

«Не хочу быть брошенной, несчастной, мёртвой!» – отчаянно заявила душа.

Но кто-то подсказал: извилины не воспринимают частицу «не».

И тогда её мозг, одному ему ведомой азбукой, просигналил миру: *Хочу быть желанной, свободной, живой!*

И обострилось обоняние, опьянило ароматом цветов.

Слух зафиксировал призывный сигнал черёмуховой аллеи.

Она пошла на этот зов, и снова, как в детстве, душистые гроздья цветов напомнили ей башенки ванильного эскимо.

– Наши плоды черны на цвет и вяжут на вкус, но обладают волшебной целебной силой, – на понятном ей языке общила древняя на вид черёмуха.

– *Зло и ложь – супруги навек. Добро и правда – супруги навек. Их брак зарегистрирован на небесах,* – сурово продекламировала её соседка слева.

«В детстве мама пугала вездесущими *хоками*, теперь смерть угрожает японскими *хокками*...» – грустно удивилась игре слов и букв Маша.

– Рано тебе ещё умирать, – прямо в руки метнула ей ветку с набухшими почками соседка справа, – бери на память, и домой!

– Привей этот побег к кусту, который посадил под твоим окном Андрей, – посоветовала черёмуха в середине аллеи.

– Откуда вы знаете? – удивилась Маша.

– Нам сверху видно всё, – призналась буйно цветущая особа издалека.

– С таким мужчиной и жизнь свою скрестить не страшно...

Странно, она сама не раз спрашивала: кто такой, этот Веснин?

Появился в школе за неделю до начала учебного года, да ещё на выдавшем виды американском джипе. И сам из себя: высокий, подтянутый, глаза умные. Директриса, естественно, растаяла, забрала у неё лишние часы, отдала ему параллельные старшие классы: соревнуйтесь!

Не враг, но соперник.

Не закрыт, приоткрыт. Из скупых рассказов о старшем брате-спонсоре стало ясно: может себе позволить быть свободным историком! Копать землю в археологических экспедициях, исследовать артефакты в музеях, корпеть в архивах.

«Разлетелись мои пращуры по свету, как зонтики одуванчиков...»

«Пращуры» – резануло слух, не динозавры же! Потом выяснилось, его корни уходят в четырнадцатый век.

«Я отпрыск русско-польско-французской любви, генеалогическое древо которой имеет кудрявую крону, – подшучивал он над собой, – ищу собратьев по крови, и следы одного из них привели меня в этот город...»

Это всё, что она узнала о нём, и остались бы они доброжелательно стимулирующими друг друга к профессиональному совершенству коллегами, если бы не злополучная вечеринка в честь Восьмого марта...

Женский праздник в женском коллективе священен. И надо же, когда все отпустили тормоза, у неё до помутнения рассудка закружилась голова.

Андрей оказался рядом.

– Ничего страшного, это шампанское, – еле пролепетала она.

– Я провожу вас, – не спросил, не предложил, констатировал как данность он.

А через неделю в учительской она потеряла сознание.

И снова он рядом. Записал на томографию головы, первым узнал диагноз – неоперабельная опухоль мозга, остался месяц, не больше.

В тот день и посадил саженец черёмухи под её окном...

Лёгкий хлопок закрывшейся двери спугнул воспомина-
нья.

– До пятого тысячелетия скачал, – довольным тоном со-
общил Магистр, твёрдо произнёс, – пора домой!

– Здесь хорошо, – почему-то оробела она.

– Санаторий, – согласно кивнул он, протянул руку, – вер-
нёшься, когда эту жизнь до конца проживёшь.

И снова внизу полотно в стиле сюрреализма: отсутствие
сюжета, свобода ассоциаций, гегемония бессознательного.

«Я думаю, ташизм возник как живописное сопротивление
фашизму», – сказал как-то Андрей, всматриваясь в цвето-
вые пятна на картине, которую он принёс на урок по теме
возникновения гитлеровского режима в Германии.

«Не знаю, возможно» – ответила она, почувствовав себя
проигравшей.

«Может, и твоя болезнь – его победа?» – шепнул кто-то
на ухо.

Она огляделась: рядом был только Магистр, сосредото-
ченный, вернее сказать – замкнутый.

«Вот к кому нужно ключик подобрать, а то всё Андрей,
да Андрей...»

– Ты хотела о чём-то спросить меня, спрашивай, – будто
прочёл её мысли Магистр.

– Если Бог – Информация, то на экране бытия я – всего лишь пиксель? – вдруг, будто сам по себе, слетел с её языка странный вопрос.

– Минимальная единица? – задумался Магистр и, грустно улыбнувшись своим мыслям, ответил, – я бы сказал: Бог – Автор, а человек одновременно Режиссёр, Актёр, Суфлёр.

– Суфлёр-то зачем? – удивилась Маша.

– Помнить: что хорошо, что плохо.

– Что-то вроде совести?

– **Совесть** – согласие с Вестью, – туманно ответил Магистр.

– А если Суфлёр возомнит себя Автором?

– Знаю одного такого доисторического хакера...

– Вмешался в вашу жизнь? – догадалась Маша.

– Сам себя заразил вирусом лжи...

– А мой Суфлёр?

– Указал самый трудный из всех путей, путь...

– О чём вы? – досадливо поморщилась она.

– Узнаешь, когда прочтёшь файлы, кстати, они написаны не на скорую руку, и читать их надо не наискосок, – ненавязчиво посоветовал Магистр. – А сейчас взмахни веткой черёмухи, она послужит нам парашютом.

Маша исполнила просьбу, и тот час же под ними появилась «перина» разряженного света с плавающими золотыми искрами.

А ещё через миг она ощутила себя под потолком собственной спальни, увидела, с каким ужасом трясёт её безжизненное тело дочь: *Маша, не умирай!*

Маша – первое слово Лады.

– Скажи: мама.

– Маша.

– Я твоя ма-ма.

– Маша!

И так все тринадцать лет: Маша, в лучшем случае, Машенька.

– Возвращайся, – отвлёк её от воспоминаний Магистр.

Она послушно проскользнула в щель между лобной и макушечными костями, и чуть не вылетела обратно.

Какими же тесными и душными показались ей оковы тела!

«Если бы не Лада...» – мелькнула крамольная мысль.

– Машенька, пожалуйста, – теряя надежду, всхлипнула дочь.

Маша открыла глаза: *я вернулась, дочка...*

– Как же ты меня напугала!

– Всё хорошо.

– Если тебе что-то нужно, скажи...

– Я бы ещё поспала, – призналась Маша.

– Тогда я пойду, но, если что... – взглядом «всё для тебя сделаю» пообещала Лада.

– Я позову.

Когда за дочкой закрылась дверь, Маша встала с постели, огляделась.

Магистра не было.

На прикроватной тумбочке лежала флэшка.

«Собрание сочинений по мотивам моих воплощений» – безучастно подумала она, отмечая: *голова не болит!*

И вдруг!

Страх, удивление, сомнение, надежда, восторг – всё смешалось.

Неужели она узнает правду о себе? И наконец-то согласится со словами Цветаевой о том, что *единственная обязанность на земле человека – правда всего существа*, с которыми часто спорила, потому что не понимала их.

А теперь у неё появился шанс...

«Ну, же, смелее!» – будто за кадром прозвучал голос Магистра.

Она подключила флэшку, по экрану ноутбука поплыли знаки в виде геометрических фигур, похожих на те, с помощью которых на зреющих полях неведомые суфлёры посылают подсказки землянам.

«Время похоже на клубок пряжи, не знаешь... куда попадёшь...»

Когда кто-то невидимый рядом обречённо вздыхает, становится не по себе.

«Первый файл, четырнадцатый век, конец моего земного пути...»

– Если не хотите, я... – не придумав, чем успокоить Магистра, оборвала фразу Маша.

«Всё логично. Но сначала, не в качестве оправдания... – неожиданно материализовался он, – позволь рассказать тебе историю моей любви...»

– Конечно! – обрадовалась она снова видеть его...

– Мне было уже за пятьдесят, Софи чуть больше двадцати. Солнце выглядывало из-за туч, посмотреть на её красоту. Бутоны роз распускались при её приближении. Она была женой старого рыцаря, который семейным ссорам предпочитал баталии на поле брани. Но Софи не тяготилась своим положением: страсть была ей неведома. Я же, когда увидел её похожие на лесные фиалки глаза, превратился в костёр. Семь рыцарских добродетелей, коими я владел без сомнения, вдруг показались пресными, как крестьянские лепёшки.

Весна ещё не превратилась в лето. Кроны деревьев плели свои кружева. Весело щебетали птицы.

– Кажется, твой Бубенчик влюбился в мою Красотку, – засмеялась она, когда мы пришпорили своих коней на лесной поляне.

Нас же потянуло друг к другу в сто крат сильнее. В сравнении с любовью к женщине, любовь к Богу – бесплотное

умствование.

– Ты плачешь? – спросила она, когда я благодарно поцеловал её.

– Это роса.

– Это живая вода, она заживит мою рану, – губами собрала она мои слёзы.

– Не смогу ранить тебя.

– Тогда завоюй!

– Мой генерал готов к сражению, – мысленно попросил я Бога простить меня за буйство чувств.

– Это и мой генерал, – осыпала она нетерпеливого вояку поцелуями.

– Иди ко мне, – снял я с её иссиня-чёрных рассыпавшихся по плечам волос белое с перламутром перо.

– Господь благословил нас, – обрадовалась она.

– Это голубь, – не смог скрыть сомнения я.

– Это знак! Мы с тобой будем как вольные птицы, я уйду от мужа...

– Король не отпустит меня.

– Не говори так, – снова стали мы одним целым.

Её сердце билось так же, как и моё.

Две птицы в клетках.

«А не послать ли всех к чёрту! – подумал я. – Подхватить Софи, ускакать с ней на край света, построить замок в горах, не разлучаться ни на минуту...»

Каким же счастливым я мог быть.

Но вернулся её муж, наша инспекция кончилась, и...

Через четверть века я оказался в темнице Тампля. На цепи, как пёс.

Впрочем, Филипп любил своих собак, а пятнадцать тысяч тамплиеров истребил как саранчу...

Судьба явно посмеялась надо мной, вернее, утёрла нос. Командовал армиями, правил провинциями, достиг власти выше королевской, и! заключён в башню, которую сам же построил.

Семь лет допросов, пыток.

Всё тело – незаживающая рана.

Не хватит слёз, чтоб исцелить её.

Разве что, слёз Софи...

«Где она? Что с ней?» – подумал я, слабея.

И вдруг услышал шаги.

Массивная дверь заскрипела, открылась.

За спиной тюремщика стояла...

Она приходила ко мне иногда, но во сне...

– Мне обещано свидание наедине, – сунула монету конвоиру Софи.

– Да, мадам, советую не подходить к нему близко, злоумышленник часто впадает в бешенство, чего доброго задушит вас цепью...

– Ступай, а то я задушю тебя своими руками!

– Да, мадам, – обиженно ретировался тюремщик.

– Жак! – метнулась к моему каменному ложу Софи, при-

пала к цепям, целуя их. – Жак, как же это?

– В твоих глазах всё ещё цветут лесные фиалки, – через силу улыбнулся я.

– Ты совсем седой, – взяла она мою руку, хотела прижать к своей щеке, но увидела: большой палец раздроблен, почувствовала: кисть мертва от боли, и только воскликнула, – о, Боже!

А мне пришла мысль: вдруг король послал её отомстить за отвергнутую любовь, и эта попытка куда хуже дыбы и «испанского сапога».

– Я не заслужил такого подарка...

– Подарка? – волнуясь, переспросила Софи. – Если хочешь, я отдам тебе то перо, которым, помнишь, Господь благословил нашу любовь. Я всегда ношу его с собой.

Вот она, казнь: из груди вырвали сердце с тяжким грузом измены.

В ответ я только вздохнул.

– Хочешь воды? – спросила она, оглядывая темницу.

Я взглядом указал на большую деревянную лохань.

Она пододвинула её ко мне. Я нагнулся над слегка взбалмученной водой как над зевом колодца, увидел незнакомого столетнего старика, закрыл глаза.

– Я пришла сказать, что у тебя есть сын, такой же отважный и красивый, как ты, – сказала Софи.

– Сын? – не поверил я.

– Мы с ним были сегодня... рядом с тобой, на паперти...

– Прости! – с отчаянием посмотрел я в её отважные глаза. – Меня обвиняют в предательстве короля и папы, а я изменил сыну и той, что мне дороже жизни...

– Я никогда не переставала тебя любить, – вытащила она из тайного кармана меховой накидки пожелтевшее от времени перо, – верни его Богу и спроси, почему он не любит людей, которые любят...

– Мадам, лучники идут, – просунул голову в дверь тюремщик, – мессира повезут на казнь.

– Я пойду с тобой, – обняла меня Софи.

– Судьба преподнесла мне королевский подарок, – обвёл я голубиным пером овал любимого лица.

– Я прощаю тебя, – сказала она.

Магистр замолчал.

*«Ой!» – невольно вскрикнула Маша, увидев на экране ноутбука чётко очерченную, цвета электрик рамку с широкой светлой полосой внизу.

– Всё, мне пора, буду нужен, позови, – заторопился Магистр.

– Спасибо, – хотела обнять его Маша, но он снова стал невидимым, и она растерянно добавила, – за азбуку мозга.

Ей бы хотелось подумать, «обглодать» событие, как это она любила делать, но её внимание снова привлекла ярко-синяя рамка, которая вдруг стала дробиться на мини-экраны. Она даже успела посчитать их: двенадцать, прежде чем

на каждом возникло изображение...

«Жаль, очков формата 12 D у меня нет...»

Только подумала она, как по светлой полосе внизу экрана ноутбука со скоростью, позволяющей прочитать каждое слово, побежала текстовая строка...

«Мария варила вересковое пиво. Пряный дух щекотал Александру ноздри, кружил голову. Он приоткрыл дверь, чтобы лучше видеть жену, хотя знал, что в кухне она любила оставаться одна, особенно, когда колдовала над пивом. Накануне вечером, в новолуние, они вместе ходили на болото, чтобы сорвать созревшие, напившиеся солнца ветки мирта. От него в пиве лёгкость и весёлость. А за розмарином Мария бегала на рассвете к лесному озеру. Без холодка и горчинки просыпающегося дня пиво... не пиво. Ещё немного мёда, и божественный напиток будет готов. Запенится в кружке, как небо пенилось облаками в тот день, когда...»

**Многоточие* сбилось с ритма, хотя возникло чувство, будто последние строчки читала не она, а кто-то другой, она же просто слышала голос, а сама сделалась зрителем, причём, не просто зрителем, а «как будто...», дальше мозг заблокировал мысль, а духовная память ещё только начала просыпаться.

«...Александр удивился: семь весен прошло, а он помнил

все до мельчайших деталей. Выйди он тогда за ворота чуть позже или раньше, кто знает, чем обернулась бы его медлительность или, наоборот, поспешность? Впрочем, к чему лукавить, он знал, что его ожидала бы большая потеря. Вернее, он просто не нашел бы себя, не женился и, главное, не понял бы и не оценил *этот мир*, оставаясь нищим богачом, глухим слепцом, бессердечной тенью. Только Мария смогла снять с него проклятие. Его жена. Неожиданный подарок неба.

В тот день к его домовому священнику Малахии пришел брат, принадлежавший к ордену спиритуалов: оставить на попечение родственника наполовину осиротевшую дочь. В ответ же услышал, что священный сан не позволяет тому удочерить племянницу...

Бывший францисканец, Малахия изменил ордену, проповедовавшему вслед за Святым Франциском идею бедности, так как душой и чревом полюбил сытую жизнь. Но был в курсе, что францисканцы обвинили спиритуалов в ереси, и с особой жестокостью преследовали их. Так что проблемы ему были не нужны!

А отцу Марии скрываться от преследования с уже взрослой дочерью становилось всё труднее. Он чувствовал, что в изнурительных беседах с миром мёртвых, особенно со своей любимой женой, израсходовал свой дух, поэтому решил отдать дочку под покровительство брата и... религиозного противника, так как надеялся, что в поединке между верой

и кровью победит все-таки кровь, и дядя не оставит племянницу.

Девушке исполнилось шестнадцать. Братья спиритуалы верили в магию цифр. Подсчитав, что сумма возраста Марии равна «семи», то есть, числу даров Святого Духа, её отец готов был испустить свой дух со спокойной совестью...»

*«Смерть открывает ворота в дивный, я бы сказала: сенсационный мир», – вспоминая своё путешествие с Магистром, на секунду отвлеклась Маша, но голос продолжал...

«...Луч солнца упал на Марию в тот миг, когда на неё бросил взгляд Александр, и её тёмно-зелёные с бликами цвета фиалок глаза заворожили его. Удивила и никак не соответствующая её бедственному положению улыбка на порозовевшем лице. Что-то наподобие сострадания шевельнулось в его сердце, или то завистливый змей побуждал его соблазнить её яблоком познания. Он даже представил, как она впивается зубами в спелую плоть греховного плода, слизывает с губ его сладкий сок. И бархатистая зелень её глаз ещё больше темнеет от надвигающейся страсти.

Тревожный озноб, как порыв ветра, пробежал, затронув потаённые уголки его души. Он испытал *предвкушение*. Может быть, такое же чувство испытывает искатель воды, когда виноградная лоза вдруг вздрагивает в его руках и тянется к ещё невидимому источнику.

– Вы в замке дворянина. Наш род три века носит это звание, не роняя чести, – обращаясь к Марии, перебил Александр разговор двух братьев, – и вы найдёте здесь кров и защиту.

Ничего подобного от себя он не ожидал, но, что сказано, то сказано.

– Три века. Святое число. Мария, детка, твоя мать мне говорила, что стены замка станут твоим домом... и могилой. Впрочем, что это мелет мой язык? В голове мутится. Сеньор, она вам станет дочерью... послушной.

– Дочерью? – растерялся Александр, – мне больше подошла бы роль мужа, – не подумав, бросил он, и тут же укорил себя за сказанное.

Ему уже за тридцать, но он, охотник и воин, о женитьбе ещё не думал. Ставить силки на птичек ему не по нутру. К тому же он решил ни с кем не связывать свою жизнь, чтобы не дать роду продолжения, унести в могилу проклятие, которое витало над ним не по его вине...»

**«Неужели Александр – сын Магистра и мой муж?»* – неожиданно подумала Маша, за ответом возвращаясь к бегущей строке.

«... Угроздило же их отправиться в Париж, чтобы выправить бумаги на владение землёй после смерти отца, именно ранней весной, когда свершился суд над тамплиерами.

Или мать не случайно увязалась за ним? Хотя, вряд ли...

Остановились они у друга молодости отца, графа Армана де Люссака, который предложил с делами подождать, пока над тамплиерами не свершится суд. А именно, не казнят Великого Магистра, крёстного отца Изабеллы, дочери короля Филиппа, который решил отомстить куму за превышение ума, богатства и власти, обвинив его во всех мыслимых и немыслимых грехах, в том числе, в завышении цены на хлеб.

Следствие велось семь лет, а цены на хлеб не упали. Народ сердился, но во что выльется его гнев: в бунт или гулянье, никто не знал. На всякий случай, приговор решили огласить на паперти Собора Парижской богородицы. При слове «приговор» мать побелела и, сославшись на нехватку свежего воздуха, попросила проводить её.

Толпа понесла их по улице Блан-Манто к мосту Нотр-Дам. Но мать не замечала ни слякотной мостовой, ни соседства бродяг, уличных девок и прочей городской голытьбы, крепко держала его за руку и повторяла, словно в бреду: твой отец, твой отец, пока неведомая сила не вынесла их к ступеням собора, на колокольне которого как раз, будто стена, подали голос колокола.

– Смерть еретикам! – раздались голоса.

– Их милостыней мы не голодали, – напомнил кто-то.

– Не задолжал бы им король...

– Буммм! – басом грянул колокол.

– Куд-куда-ах-ах-ах! – пинком скинул со ступеней клетку с цыплятами и цесарками лучник.

– За что? Мои курочки божьи создания, – давясь пухом, слетел за ними продавец.

– Зачем мы здесь? – хотел вытащить он из толпы свою мать, но она, как и все, обезумела.

– Твой отец. Твой отец! – И глаза, как фиалки из почерневших глазниц.

Он последовал её взгляду. На верхних ступенях ведущей к паперти лестнице спиной к толпе, лицом к разместившемуся в проёме главной двери трибуналу стояли четверо оборванных, словно из пепла слеplенных старика.

Папский легат с упоением бездарного актёра читал постановление суда. Елей наслаждения и гнев возмущения непостижимо сливались в его голосе при перечислении улик, злодеяний, преступлений.

– Ложь! Ложь! Ложь! – сопровождал все обвинения высокий, похожий на скелет старик, выпрямленная гордая спина и нарастающая ярость голоса которого свидетельствовали: он ещё жив, и готов дать отпор срамословию.

– Принимая во внимание, что обвиняемые признали и подтвердили свою вину, – петушиным голосом продолжил итальянский прелат.

– Под пытками! – будто кто-то засвидетельствовал под сводом небес.

– Во имя Отца и Сына, суд постановляет приговорить их

к пребыванию меж четырёх стен...

– Протестую! – с вершины лестницы прогремел голос Магистра.

– Я верю тебе, ты ни в чём не виноват! – закричала мать.

Старик обернулся.

– Боже, правый!

– Святой!

– Мученик!

Оторопела толпа.

Лучник направил на мать тупую сторону копья, но он опередил его, вытащил её, полуживую, из толпы. Будто какая-то сила помогала ему, люди расступались молча. И только монахи чёрными воронами каркали позади: на костёр их! На костёррр!

Старый граф Арман о приговоре уже был осведомлён. Церковная кара: пребывать меж четырёх стен, означала бессрочное заключение в цепях, на хлебе и воде.

– В сердце короля столько же милосердия, сколько в пустыне колодцев, – пошевелив седыми бровями, объяснил свою позицию старый граф. – Сначала Филиппа не приняли в члены ордена, потом в Тампле спасли ему жизнь, укрыв от народного гнева, то есть, дважды унизили его. Он захочет отомстить!

– Но ведь Магистр причислен к рангу царствующих особ, а, значит, неприкосновенен! – попыталась возразить ему

мать. – И народ разделился...

– Жак взлетел выше Филиппа, – чуть ли не на макушку поднял брови граф. – А теперь спросите, почему король созвал Малый совет? Несомненно, чтоб надавать пощёчин народу! И Жаку. Спорим, его казнят!

– Одолжите мне стражника и экипаж! – не попросила, приказала мать.

И на весь день исчезла.

Явилась к вечеру сломленная, состарившаяся на сто лет. Рассказала о своей неугасимой любви к Магистру, о том, что он и есть его настоящий отец, и что во время его казни, они должны быть рядом.

И снова какая-то сила подхватила их, расчистила дорогу, пригнала к берегу лодочника, который перевёз их на Еврейский остров. Луг, где обычно паслись коровы и козы, избран был стать языческим капищем.

Костёр выше человеческого роста, чтобы Филипп без помех мог видеть муки бывшего друга и кума, сложили напротив королевской галереи. На вершине костра, привязанные к столбам, белели фигуры двух стариков, не согласившихся с церковным приговором, за что им на головы водрузили бумажные митры еретиков. Под ними сутились палачи в красных кафтанах с капюшонами на голове. Вокруг лучники держали в руках горящие факелы, мятущееся пламя которых, отражаясь в реке, обратилось в стаю золотых рыбок, явив-

шихся посмотреть на человеческий обряд жестокосердия.

Ночь выдалась холодная, с реки дул ветер.

Ждать было невыносимо. И вдруг палач, подчиняясь тайному приказу, помахав в воздухе пучком горящей пакли, сунул её под хворост, сложенный у подножия костра.

Ветер, видимо, получил иную команду, и изменил направление.

Началась битва, которую людям не дано было понять.

Костёр не хотел разгораться.

– Магистр не виноват.

– Под пытками каждый себя оговорит.

– Бог не хочет его смерти.

– А король снова скупил зерно по дешёвке!

Чем дольше не занималось пламя, тем стремительнее развязывались у людей языки.

Подручные палача, кашляя от едкого дыма, ворошили сырые дрова длинными железными крючьями, но хвостатые саламандры мешали разгореться костру. И тогда лучники стали бросать в поленницу факелы. Ветер замер от удивления. Огонь затрепетал и взмыл кверху.

Раздались вероломные крики: как хворост бросали люди слова в костер.

– Смерть еретику!

– Смерть!

– Смерть!

– Любимый, – прошептала мать.

– Отец! – сквозь звериный вой толпы выкрикнул он.

Магистр услышал их, и сверху, сквозь пламя и дым возопил: *будь проклят...*

И дальше эхом прокатилось: я, предавший свою любовь и сына...

Но рев толпы заглушил последние слова.

Мать заплакала.

«Будь проклят!» – на всю жизнь отпечталось в его голове.

Как и рассказ матери о своей грешной любви...

...Муж её воевал с соседом, когда на их землю явился отряд рыцарей, на границе с Испанией чистоту веры блюсти.

Ворота замка распахнулись, сверкнула молния, на белом коне, в белом плаще с алым крестом на груди появился Он. И всё смешалось. Небо упало на землю. Он нарушил клятву: любить только Бога. Она изменила мужу.

Любовь как пламя, может разгореться от искры случайного взгляда.

Они были счастливы целых семь дней, вернее, ночей.

Накануне возвращения мужа, отряд тамплиеров покинул их земли.

От кого родила сына, она поняла сразу, и всю свою нерастраченную любовь отдала ему.

Но Бог сурово карает за грех...

В ответ Александр невзлюбил Бога. Следить за людьми днём и ночью, читать их мысли – занятия, недостойные муж-

чины. А значит Бог – не мужчина, не рыцарь, не дворянин. И его слуги – священники и монахи – такие же. Передрались между собой. Христа употребляют как приправу к выгоде. Он своими глазами видел: в Авиньоне продавали распятие, на котором Христос одной рукой был прибит к кресту, а другой держал кошелёк, благословляя церковь на стяжательство...

«Только эта девушка сможет примирить меня с жизнью», – неожиданно подумал он и решил освободить Марию из рук Малахии и его помрачённого умом брата.

И вот... она хлопочет на кухне, сочиняя песню о том, каким весёлым и хмельным будет пиво. И воздух в округе, и небесные сферы вторят ей.

Наконец-то, гармония поселилась в их замке.

Но в его сердце – страх потерять её.

Он – воин. Привык убивать, разрушать.

Смерти не боится, призывал её не раз.

Но сейчас Мария носит под сердцем новую жизнь, его ребёнка.

И он постарается оградить их от всякого зла.

Так что репутация изгоя ему даже на руку.

Спасибо матушке! События на Еврейском острове так повлияли на неё, что она стала видеть следы проклятия во всём: дождело или стояла засуха, случался неурожай или не подходило тесто.

«Господь гневается на нас!» – с порога заявляла она гостям, и вскоре соседи перестали являться к ним на порог.

Его избегали. Он стал философом.

Но отвлеченные размышления больше не вдохновляли его.

Он полюбил говорить с Марией.

В разговоре, как и в любви, она была вольна...

– Звезды – хор, наша Земля поёт, и сердце тоже должно петь.

– А если возьмёт не ту ноту? – задал он иезуитский вопрос.

– Гармония нарушится, и где-то что-то обязательно случится. Хорошо, если просто подгорит пирог, – не задумываясь, ответила она.

– Хуже, если Бог накажет горбом.

– Человек – отросток Бога, сам творит...

– Не знаю, Его я не видел, а твои глаза похожи на круглые листочки лесных фиалок, – победоносно перебил он жену.

– Мою душу ты тоже не видел! – не сдавалась она.

– Зато люблю её сильнее красивых глаз твоих!

Мария только посмотрела в ответ.

Он давно понял: она, скорее язычница, чем христианка, и с большей охотой пойдёт слушать пение птиц в лесу, чем проповедь священника в соборе. И слух у неё тоньше, чем у многих...

Александр надеялся, посылая ему Марию, небо сигнали-

ло: проклятье снято!

И пусть все проклинаящие жарятся на сковороде в аду!

Память проступила тайными чернилами...

Он снова вернулся в тот день, когда у самых ворот замка на мосту стал свидетелем препирательства двух братьев, не желающих участвовать в судьбе Марии, правда, по разным причинам.

Её волосы цвета спелой кукурузы давно не знали гребня. А старое, выцветшее платье не могло скрыть плоский живот, задиристые соски маленькой груди. Он с детства сторонился людей, заранее подозревая их в лени, трусости и воровстве, причем, всех: крестьян, горожан, дворян. Но щенячья неуклюжесть и грациозность лани, странным образом уживающиеся в этой девочке, привлекли его.

Он увидел её, и будто родился заново.

– Господин, моя дочь ангел. Небо послало её исправить род людской, – заявил отец девушки.

Он выглядел глубоким старцем: кожа его походила на пергамент, передних зубов не было, рот выплёвывал слова с шипением и свистом.

Казалось, мир живых был ему чужд: после смерти жены больше всего на свете он желал поскорее встретиться с ней, и потому, решив, что судьба дочери устроена, простёр руки к небу, закричал: «Жди меня. Я иду!»

– Папа, очнись, – дёрнула его за руку Мария.

– Не гони мой сон. Твоя мать гуляет под руку с Умберто Казальским. А по другую сторону от неё сама Мария Магдалина. Согреши и покайся, дочка, и к Богу под крыло...

– Папа, сегодня полнолуние, бесы разгулялись...

– Бесы... грешат. А каяться им не разрешают. Бедные...

Марии было жаль отца. К его снам наяву она привыкла. Сама могла видеть неземные сны, когда хотела.

– Мой господин! – чуть не задел огромным животом хозяина Малахия. – Священный сан обязывает меня предостеречь вас. Сам дьявол часто надевает на себя маску невинности. Я знал мамашу этой девицы. Не смущайте вашу благородную кровь!

– Мою кровь?! – взорвался Александр. – Разве ты знаешь, сколько земли полито ею? Сколько течет её в безвинных детях, рожденных от меня бесстыдными женщинами! И сколько ещё быть ей проклятою?

– Покайтесь! – одновременно упали на колени братья.

– А ты что скажешь? – испытующе спросил он Марию. – Этот разговор пугает тебя? Кровь. Проклятие. Слова не для девичьих ушей...

– Я слушаю сердцем.

– Да? И что твоё сердце услышало?

– Твою боль.

– И что с ней делать?

– Хочешь избавиться от неё? – затенив глаза ресницами, уточнила она, и, смущённо улыбнувшись, выдала рецепт, –

покажи своему проклятию зад!

– Не слишком ли ты юна, чтобы так... говорить? – изумился он.

И солнце выглянуло из-за тучи, посмотреть на неё.

И столбики тушканчиков выросли в шелковистой траве, полюбоваться.

Александр озадаченно хмыкнул: он вышел из замка, чтобы спуститься к реке, проверить, не забыла ли охрана поднять мост, а заодно и сетчатую клеть, в которой обычно жидким серебром переливалась рыба. Весной нет лучшего блюда к столу. Но, оказалось, его ждал улов богаче...

– Отведи гостей к странникам, пусть постелят им свежего сена, – дал указание Александр домовому священнику, – вино, сыр, хлеб на кухне...

Он был готов сию минуту взять Марию в замок, как ребёнка вымыть, убаюкать на коленях.

В общем, сам попал в сети.

– Пойду, проверю мост, – буркнул себе под нос.

И сбежал.

Струсил?

Брал вепря в схватке – испугался лани?

Что это с ним? Весенний гон распалил чувства?

«Не похож ли я на бочонок с вином, которое обещает пре-
вратиться в мочу ослицы?» – спросил себя Александр.

Вопрос оставил без ответа.

Подумал: вино и сыр – еда не для такой девушки, надо бы попросить кухарку изжарить цыплёнка, омлет с грибами тоже подойдёт, а, впрочем, тёзка Марии Магдалины и хлебу будет рада...

*«*Последние слова, точно, Суфлёр подсказал!*» – раздосадовано решила Маша, но раздумывать было некогда: строка продолжала бежать, а ей ни слова не хотелось пропустить...

«...Сон тянулся целую вечность. Александр ворочался, прятал голову под подушку, ничего не помогало...

Неведомые скалистые горы обступили его. На вершине одной из них он увидел монастырь. «Сынок!» – позвала его монахиня. Это был голос матери. Он стал карабкаться наверх. Какая-то мерзкая птица клевала руки, но ему нельзя было отогнать её. Подъём был крут, он мог упасть. И вдруг гора затряслась, будто в лихорадке, и он вместе с камнями покатился вниз, обернувшись камнем. Катился, пока не стукнулся о паперть незнакомой церкви, и снова превратился в человека. К нему подошла женщина в лохмотьях, стала просить: «Сыночек, дай хлеба».

Он упал перед нею на колени, заплакал: «Матушка, пойдём домой».

«Наш дом еще не разорён?» – спросила мать и... превратилась в птицу, ту самую, что клевала ему руки, когда он лез на гору.

– Чёрт! – еле выпутался он из одеяла.

Веки были ещё тяжелы. Сердце ухало как ночной филин.

«Всё в этом мире говорит о чём-то» – считала мать.

Тогда, почему она просила милостыню и спрашивала, не разорён ли дом? Не надо ли понять её слова так, что беду в замок принесёт вчерашняя нищенка?

Не может быть!

Мать построила странноприимный дом, полагая заслужить прощение у Бога, или у того, кому подарила свою любовь и сына.

Об отце Александр запрещал себе думать...

Утром Малахия сообщил: повозка готова.

Но откликнулась, засобиравалась только Мария.

Увидев, что отец продолжает спать, она тронула его за плечо. Иногда на слова он не реагировал, просто не слышал, потому что общался с мирами *иными*, и *там* было ему интереснее.

Мария потрясла отца за плечо, крикнула в самое ухо: «Папа, пора!», и только тогда поняла: его душа живёт уже другой жизнью, а тело, как надоевшая ноша, сброшено без сожаления и покоится на прошлогоднем сене, умело скошенном и высушенном, оттого и хранящем ещё запахи трав и солнца.

Она не испугалась его смерти. Без страха встретила и поворот в своей судьбе...

Узнав о происшедшем, Александр разрешил похоронить

успошшего на местном кладбище. А когда увидел Марию, беззащитную, с потемневшими глазами, спросил домового священника, как тот решил распорядиться судьбой племянницы?

– У сироты одна дорога – в монастырь! – был ответ.

«Чёрта с два», мысленно ругнулся Александр.

Он знал: во флигелёк при церкви по ночам частенько крадется женская тень. Жирный боров не отказывал себе в плотских утехах.

– Не лучше ли найти ей жениха?

– Она станет невестой Господа, – надел постную мину священник.

– А если я возьму её? – неожиданно для себя спросил Александр.

– Вчера вы уже изволили шутить...

– Я не шучу. Нашему роду пора освежить кровь. А она так свежа...

– Но ваши родители. Что бы они сказали?

– Думаю, им *там* всё равно. А Господь... мне поручил позаботиться о сироте. Так что... завтра же вы соедините нас!

– Нужно спросить согласия Марии, – не уступал священник.

Он знал: любая из дворянских дочерей с радостью бросится в объятия его хозяина, увеличив владения, и прирастив его, Малахии, влияние.

Венчать. Крестить детей...

Его же племянница – просто замарашка.

Неравный брак – тень на священника.

Убыток его кошелеку.

К тому же, что за кровь течет в её жилах!..

– Мария, ты всё слышала, скажи, – обратился Александр к девушке.

– У меня нет платья, – взмахом густых ресниц смахнула слёзы она.

– Ответ истинной женщины, – удовлетворенно заметил он.

Александр на минуту испугался: что, если она откажет? Но замечание о платье, по сути, было согласием. И ему снова захотелось убаюкать её на своих коленях.

– Спасибо, девочка. Я дам распоряжение, тебе приготовят комнату, платье, и воды нагрееют...

У него было чувство, будто он выиграл важное сражение. На какое-то мгновение он даже позавидовал Марии, чья судьба так благосклонно решилась. Не без его участия, конечно, хотя... на то была и божья воля, иначе он не вел бы себя так странно.

Ещё ни одна женщина не брала его в плен. Он побеждал, не особо утруждаясь. И дворянки, и селянки становились лёгкой добычей, причём, последние, как ни странно, были ему интереснее: наивно хитрили в надежде получить больше денег, ведомые инстинктом отдавались естественно и вольно.

У высокогородных барышень инстинкт был убит воспитанием, любовь сводилась к игре: вздохам, запискам, любопытству, боязни, слезам и птичьей болтливости в самый неподходящий момент. Они напоминали Александру тряпичных кукол, в которых жизнь вдыхали на одну минуту, и ту они не могли употребить иначе, как, выпрашивая обещание на них жениться.

Всем своим звериным существом он почуял в Марии живую плоть и сам словно ожил, проснулся, вмиг изменился, в общем, с ним что-то произошло. Он знал: отныне в его жизни наступят мир и покой. Если в этой девочке чувства ещё не развиты, он разовьет их, хотя она обещала иное...

На отпевании отца ему хотелось быть рядом с ней, но девушка была так отключена от мира, будто на самом деле провожала родную душу к воротам преисподней и не хотела, чтобы ей мешали в этом важном деле.

Заревновав, он ушел, надеясь завтра стать её хозяином безраздельно.

Пусть хоть все французы с испанцами, а также англичане перебьют друг друга, он знает вход в подземный замок, где можно продержаться и год, и два. Запасов мёда, круп, муки, вина хватит надолго.

Он жаждал времени уединенья и любви!

С мечтой об этом и уснул крепко, будто безгрешное дитя...

А утром Мария долго не выходила из комнаты, и он испугался, что она – совсем не то, что он про неё придумал, и будет кукситься, бояться, окажется обычной барышней.

Каково же было его удивление, когда к обеду она вышла необычайно красивой, в платье его матери, перешитом по её стройной фигуре, с копной блестящих волос. И приветствовала его словами: «Спасибо вам за доброту, но, если хотите, возьмите свои слова обратно. Я не могу воспользоваться минутной щедростью. А именно так расценивает ваше предложение мой дядя. Поверьте, я не обижусь. И буду искренне служить вам. Только, пожалуйста, не отправляйте меня в монастырь. Я не из тех, кто может жить в клетке, а, впрочем, я ко всему готова, не смогу жить, умру. Смерть может стать благом. Отец вчера был таким счастливым рядом с матерью и другими добрыми людьми, я видела...»

«Мы с ней фаталисты» – обрадовался Александр.

– Ты назвала щедрым человека, желающего приобрести жемчужину, которая думает, что она соринка, – почти исповедался он.

– Соринка? – лукаво переспросила Мария. – Отец говорил: я ангел!

– Но ты так неприхотлива...

– Общества моей мамы искали короли, а она предпочитала беседовать с придорожными столбами.

– И ты... вся в неё?

– Нет, я больше люблю ручки и воздух, он так вкусно пах-

нет!

Мария потянула ноздрями.

– То есть, жизнь для тебя...

– Свобода и любовь! Самое малое облачко в небе чувствуется, что я его люблю, а если попрошу его обратиться в тучу, беременную дождём, вряд ли мне откажет!

И она засмеялась, смахнув с ладошки воздушный поцелуй.

– Умеешь разговаривать с небом?

– Со всеми.

– Разыгрываешь меня?

– Нисколько. У всех, конечно, свой язык. Но переводчик один – любовь. Вы, например, сейчас себе говорите, что поторопились, я не совсем нормальная, в понимании простецов, конечно, и со мной вам будет не просто. Хотя, должна сказать, если вы будете любить меня немного меньше, чем Бога, мы сможем жить счастливо. Ведь вы тоже не такой, как все.

– Так ты не против, выйти за меня?

– Нет!

– Нет? – испуганно переспросил он.

– Не против, значит, да! – покровительственно улыбнулась Мария.

«Колдунья!» – чуть не произнёс вслух Александр, радуясь её ответу и... пугаясь своей зависимости от неё.

– Ну, вот, вы подумали, что я... – встревожилась она, спросила, – отчего люди так пугливы, даже самые смелые?

– От голода. Похоже, я не ел сто лет, – скрылся за шуткой он.

А на прогулке после трапезы продолжил разговор...

– Не очень-то ты любишь людей!

– Их мало.

– Аки звери многие? – вопросительно подыграл он.

– Бог всем даёт шанс дорасти до Себя, – прояснила ситуацию она.

– И откуда ты такая взялась? – почти взвыл он, почему-то обращаясь к небу.

– Не знаю, – взяв его за руку, потащила она его вдоль внешней каменной стены замка с бойницами под углом кверху, – ты, что, с птицами собираешься воевать, или... с теми, кто на небесах?

– Мой прадед направил бойницы к небу, надеясь, что однажды, в день солнцестояния, божественные лучи проникнут сюда, соединятся и превратят замок в страну Кукану, где хлеба и сыры растут на деревьях. Кстати, его тень иногда разгуливает среди бела дня...

– А тень твоей мамы не довольна, что я перешла её платье.

– Плутуешь? Моя мать никогда не рассердилась бы... – на полуслове осёкся он, вспоминая сон, в котором мать-птица расклевала ему руки в кровь.

– Наверное, вы правы, – погрузнев, вновь перешла

на «вы» Мария. – Простите, пойду к отцу. Долго не думала о нём, и это наказание...

Она вытащила свою руку из его руки и убежала.

«Законы общежития написаны не для неё» – посмотрел он ей вслед, и будто отрекаясь от прошлого, подумал: отныне жизнь его потечёт по руслу, проложенному фантазией Марии, и он может на неё сердиться, но выбросить из своей жизни – никогда, потому что она и есть его жизнь!

И вдруг его воображение нарисовало картину их соития с Марией.

Её любовь пришлась ему по вкусу.

Не потерять бы голову.

Она нетронута, и этим... защищена.

Более того, ему хотелось охранять её чистоту. Но ничего не мог с собой поделать, всем телом чувствовал её распластанной под ним, как будто они одно целое, и земля им постель, а небо одеяло.

Раньше он мог управлять собой. С Марией его естество взбунтовалось.

Скорее под венец!

И пусть Малахии не по душе его скороспелый брак, он произнесёт: *отныне перед лицом Господа вы муж и жена*, иначе... распрощается с жизнью.

Легче заплатить пеню за убийство, чем терпеть выходки лицемерного святоши!

Но, едва вкусив радость от воображаемой расправы над личным духовником, Александр ужаснулся: вдруг его мысли прочитает Мария?

Не стоит её пугать. Кровожадным он никогда не был...»

*«*Земля постель, а небо одеяло*» – эхом откликнулось сердце Маши.

Разве не о такой любви она мечтала?

И если она и Мария одна душа, значит, однажды в её жизни так и было.

«А, может, и не однажды?» – снова приросла она к бегущей строке...

«...Межгорная низина была пологой, ковром из свежей зелени стлалась к реке. В поле копошились крестьяне. Как муравьи. Сравнение пришло, когда он бросил взгляд под ноги и как будто в увеличительное стекло увидел, что там, внизу, идёт своя жизнь. Все заняты делом. Муравьи затеяли какую-то великую стройку.

Александр даже замер на мгновение, боясь опустить ногу, потревожить, смять эту жизнь, этот неведомый мир.

Мария улыбнулась, быть может, каким-то своим мыслям. А может быть его порыву покровительствовать даже самому малому, что рождено землёй. Он перехватил её взгляд. И обрадовался. Ему показалось, отныне у него с ней одно зрение. И они одинаково видят отяжелевших, лениво разма-

хвивающих хвостами коров, и пастуха с собакой, убаюканных мирной картиной и уснувших под деревом. О том, что сон сморил их ни сию минуту, Александр догадался по тому, что тень перестала закрывать их, а солнце припекало пуше одеяла.

В другой раз влетело бы от него пастуху.

Но не сегодня.

Мария благодарно прикоснулась к руке. И счастье захлестнуло его...

Почему?

Что значит эта девочка для него?

Откуда у неё такая власть?

Почему всё в ней мило и волнует?

Возможно, Бог создал их друг для друга.

И вот... они нашлись. От неуверенности и ожидания чуда он привлёк Марию к себе так крепко, что она вскрикнула. Но не раненой птицей. В её голосе он услышал... согласие. Почувствовал, как забурлила в её венах кровь, напряглись соски, будто готовые распусться на яблоневетках почки. От неё даже пахло яблоневым цветом.

Он растерялся. Его сердце бешено заколотилось.

А Мария не испугалась.

Откуда она знала своё предназначенье, открывая губы для поцелуя?

Почему не стыдилась раздеться перед ним? И ему помогала срывать одежду...

Руки её будто знали все его потаенные, для радости созданные уголки. Не смутила Марию и его восставшая плоть.

«Мой огнедышащий дракон?!» – в радостном изумлении бормотала она, осыпая его поцелуями, которые казались Александру огненными.

Умереть в эту минуту – было бы блаженством.

А жить, когда в октаве сердца не семь – а тысяча звуков!

Вот что может природа!

Он приподнял Марию над собой, и она раскрылась навстречу ему. Всё завертелось в языческом танце любви.

«У Бога должна быть женщина, иначе и быть не может» – неожиданно подумал он, когда Мария еще билась под ним, но уже слабея, испытал только что высшее блаженство плотской любви.

Сколько прошло времени?

На поле ни души. Ни коров, ни пастуха с собакой.

Солнце почти село. Трава потемнела.

– От тебя идет пар, – стрункой вытянулась она на нём, прикрывая его.

– Не простудись, – забеспокоился он.

Но, почувствовав ответное движение, понял: снова готов на подвиги...

– Нас повенчала матушка-земля, – сказала Мария, уткнувшись носом ему подмышку.

– Иди сюда, – потянулся он к ней жарким ртом.

– Так пахнет честный пот. Лучший запах на земле, – при-

ложила она свой палец к его губам.

– Смотри, земляничное дерево расцвело, – согласился он на передышку, на самом деле удивляясь, откуда взялся этот цветущий куст.

Заросли их были ближе к реке. А здесь, на лугу...

Впрочем...

Он принялся хохотать.

– Что? Что? – засмеялась и она.

– Однако мы с тобой скатились...

– Здесь трава мягче, – принялась она его целовать.

Всё повторилось. И снова. Снова. Их венчали птицы, трава, звёзды...

Многие за всю жизнь не получают столько любви, сколько выпало им испытать за один вечер и одну ночь...

– Распутница! – обозвал он её с любовью и ревностью утром...

«Невинность не может быть такой искусной в любви» – нашёптывал кто-то ему, когда его мозг мутился от ласк, а тело напоминало вулкан, готовый излить лаву.

Какими разрушительными бывают стрелы чёрных мыслей!

Мария знала это.

– Распутник тот, кто не любит, – тихо сказала она, смотря прямо ему в глаза.

В его зрачках любовь билась как рыба, пойманная бесов-

ской сетью.

Страх быть обманутым сплёл эту сеть.

А, впрочем, страх и есть та сеть, в которую легко попасть, но выбраться трудно, почти невозможно, если только не победишь сам СТРАХ...»

**Маше показалось, сентенция о СТРАХЕ выбилась из контекста романа и посвящена именно ей.*

Что ж, страх смерти она почти победила. Но как справиться с боязнью оставить дочь наедине с миром, в котором люди не знают своих предысторий, и каждую жизнь начинают с чистого листа?

Не День сурка, Век сурка какой-то!

Бедная Лада.

Остаться сиротой в тринадцать лет, смутное время взросления...

Отец предал. Мать умерла. У бабушки культ личности в семье...

Она горько вздохнула, ужаснулась: сколько событий из своей прожитой жизни она пропустила!

И снова нырнула в многомерный экран...

«...Роды были лёгкими. Мария не противилась тому, чтобы Александр присутствовал при появлении ребёнка на свет. А возражения священника и повитухи он не принял в расчёт. И был вознаграждён. Его жена родила ему дочь: малень-

кое свое подобие. Правда, когда показалась головка, повитуха радостно выдохнула: мальчик. Её ввели в заблуждение густые волосы ребенка. Александр же узнал в них кудри своей жены. Он так хотел дочку, что если даже на выходе был сын, то решил не рисковать и обратился в девочку.

Иногда мечты творят чудеса.

Мария не кричала, не звала небеса помочь ей.

Ритм её дыхания завораживал его.

И только когда её пальцы стискивали его ладонь и становились белыми, он понимал, какую боль ей приходится выносить. И склонялся над этими пальцами, и целовал их, и дышал на них, стараясь согреть. И давал себе слово, что больше не заставит её так страдать, не допустит её беременности, и любовь их будет похожа отныне на праздничный карнавал, где все только веселятся и радуются жизни.

Главное они уже сотворили – дочь.

И могут теперь отдыхать.

И никто уже и никогда не сможет отнять у него Марию, потому что «её» у него стало две. И он не понимал, кого любит больше: свою жену или только что появившееся на свет создание, раскрывшее от удивления глаза: кто это смеет так сильно хлопать её по спине?

Закричав от возмущения, его дочь потянула к нему ручки, или это ему показалось?

Мария счастливо рассмеялась и попросила есть.

«Разрешите от детского места, тогда», – сердито бурк-

нула повитуха, и, перевязав пупок девочке, унесла её в соседнюю комнату купать и пеленать.

Александр признательно поцеловал Марию и с удивлением обнаружил, что она провалилась в сон.

Тогда он с гордостью оглядел кровать, устроенную так, чтобы его ребёнку удобнее было появиться на свет, и тут что-то хлопнулось в стоящее у кровати корытце, обрызгав его одежду, лицо.

Он отёрся, посмотрел на руку: кровь.

И испугался: вдруг это означает смерть?

Испугался так, что понял: нет у него никого дороже Марии, и если дочь – причина её смерти, он возненавидит дочь.

Но тут Мария легко вздохнула, спросила: где она?

Александр готов был разрыдаться: несчастья не случилось. Он прощён! И начинается совсем другая жизнь. Жизнь без проклятья.

Присутствие при родах сделало его отцом вдвойне. Впрочем, только присутствием его нахождение в родильной комнате назвать нельзя...

Уже потом он вспомнил, что старался дышать в такт дыханию жены, его ток крови грел ей руки и его мольбы, чтобы всё завершилось благополучно, достигли ушей Господа, а значит – и он рожал!

– Кажется, я потерял не меньше крови, чем ты, – шептал он вечером Марии, уже вымытой, переодетой: желанной, но недоступной.

– Ты чувствуешь себя немножко богом? – спросила она.

– Богом? Пожалуй, но теперь я точно знаю: у Него есть подружка!

– Иначе ничего не могло бы родиться...

– В детстве я подозревал, что Бог не только хром, горбат и зол на всех, но и, как бы это сказать, обходится мужчинами, – признался он.

– Услышал бы тебя мой дядя...

– Если церковь поощряет мужеложство, то Малахия еретик: к нему по ночам ныряют женщины.

– У нас в голове живет много богов: добрых и злых. Есть бог Морфей, поклоняясь которому, можно прожить жизнь в сладком сне, – покачала головой Мария, – но долго врать не получится...

– Возможно, мир лжив, потому что правда – неприглядна...

– Наверное, ты прав. Ни песен, ни стихов не слагают в честь прямой кишки, а зря! Если бы не она...

– Уволь, уволь, хотя, когда сегодня я увидел нашу дочь в слизи и крови, это её нисколько не испортило в моих глазах...

– Ты не такой как все, и я тебя люблю!

– Когда ты так говоришь, я чувствую себя Амуром! – осыпал Александр поцелуями руки Марии.

– Тогда принеси нашу дочь, я хочу её покормить.

– Но... она такая маленькая. Я боюсь её...

– Боишься?

– Уронить. Покалечить. Сделать больно...

– И боги трясут иногда, – улыбнулась Мария.

В её глазах было столько доверия к нему, что страх исчез, и Александр готов был горы свернуть, чтобы дочь была вовремя накормлена, а Мария – счастлива. Всегда.

Девочка оказалась с характером. Ей уже нужна была грудь, и если бы отец не подоспел вовремя, разразился бы настоящий скандал, то есть она уже начала подавать возмущённые звуки, и какие!

Оставалось одно: бегом доставить драгоценный груз по назначению – к материнской груди, к живительному источнику, прикинув к которому, его дочь, положив ладошку на явно понравившуюся «кухню», довольно зачмокала.

– Думаю, её жених не родился ещё, – заявил Александр, не имея сил оторваться от достойной кисти иконописца картины.

Мария только посмотрела на него.

Ей хотелось быть счастливой, и она гнала от себя дурные предчувствия.

Создатель милостив.

Она расплатится за чужие грехи, построит лекарню, амбар для сушки и хранения трав. Будет всем помогать, и в Книге Судеб перепишут проклятую страницу.

Время – её друг.

И у неё ещё много времени...»

**Стоп! Я знала о Книге Судеб?* – вспомнила Маша небесную часовню, а в ней Книгу, медленно кружащую над початком кукурузы, или фаллосом, где вместо семени хранились файлы её воплощений.

«Не знать, что ждёт тебя завтра, с этим ещё можно смириться, но так и не узнать, что было прежде – несправедливо» – пронеслось в голове.

И даже Суфлёр, или тот, кто озвучивал кадры прошлого, в знак согласия сделал паузу. На секунду. И тут же продолжил...

«...Александр был уверен: Марии надо кормить младенца самой, у коров и то разное молоко, а уж у матерей...

Тем более, у Марии.

Её молоко должно быть лучшим на свете. И только им должна питаться его дочь. Тогда у неё появится больше шансов быть похожей на свою мать.

– Смотри, кажется, ей нравится! Какой аппетит! Пусть будет вкусной каждая минута твоей жизни, – ворковала над малышкой Мария, – я научу тебя всему, что умею и знаю. Небо будет стелиться у тебя под ногами...

– Я уже дал ей имя. София.

– Ты родилась в созвездье Козерога, и будешь жить за пазухой у Бога, – поправила чепчик на девочке Мария.

– Козерог. Бог. Хорошая компания. Но жить ей всё же придётся на земле, а времена не лучшие, война за войной, – тревожно вздохнув, заботливо прикрыл высунувшуюся из-под одеяла розовую пяточку дочери Александр. – Если бы я погиб от лучников английского короля, не было бы и её...

– Ты никогда не рассказывал.

– И сейчас не буду. Не для ушей малышки.

– София девочка не из трусливых, чем раньше узнает о подвиге отца, тем лучше...

– Вряд ли это можно назвать подвигом, да и, кажется, она уснула...

– Притворяется, а сама сосёт грудь и внимает...

– В бою под Креси-ан-Понтье меня спас тот, над кем я посмеялся, – шёпотом доверил своё бесславие жене Александр.

– Неважно, кто! – умоляюще посмотрела на мужа Мария.

О чём молил её взгляд?

Не умирать, пока она жива?

Умолчать о низких подробностях войны: не мешать молоко с кровью – напиток этот ещё не для Софии?

Для него главное: как не соврать и не упасть в глазах Марии?

Выход один: горькую правду подать под соусом ироничной улыбки...

– На севере Франции есть небольшое селение Креси-ан-Понтье, и в нём, явно, кто-то согрешил. Иной причины

не нахожу, чтобы объяснить, почему два кузена, два короля, английский и французский, решили именно там схватиться. Эдуарду всегда было мало одной короны. Правда, стань он королем Франции, кто знает, возможно, у нас курс флорина не падал бы каждые десять дней, а цены на хлеб не поднимались бы так высоко, что народ от голода желал смерти своему королю. Но, что поделать: сама природа решила поработать на Англию! Да и сын Эдуарда принц Уэльский в свои шестнадцать лет был зрелым полководцем, если разбил французского короля у Креси...

Александр замолчал.

– Возможно, гороскоп Филиппа был неудачен, – подсказала Мария.

– Если на небе есть звезда поражения, то Филипп родился именно под этой звездой. И один бог знает, почему лучший из рыцарей, но потерявший зрение король Богемии Иоганн решил послужить своему свату.

– Трудно хорошо служить плохому монарху, – согласилась Мария.

– Возможно, Иоганн встал на защиту Франции потому, что его любимая дочь вскоре должна была стать её королевой. Кстати, сейчас я его понимаю, – бросил нежный взгляд на аппетитно причмокивающую малышку Александр. – А тогда я хотел его отговорить. Заявил: плохо не видеть глазами, ещё хуже, умом. Он хотел со мной драться. Но я не петух, клевать всех без разбору...

– Ты говорил: он спас тебя...

– Моя насмешка подвигла его распорядиться накрепко привязать своего коня к лошадям своих оруженосцев. Английские лучники крушили нашу пехоту. На шлеме Иоганна воинственно развевались три белых страусовых пера, он командовал: и тройка связанных коней понеслась в самую гущу схватки. Я был рядом. Хотел помочь. Но стрелы тоже слепы. Меня ранили. А трёх богемских всадников убили. Кстати, падая, Иоганн прикрыл меня, чем сослужил двойную службу: сохранил мне жизнь и преподнес урок – никому слепо не служить!

– И не высмеивать чужие недостатки.

– Иногда моя желчь закипает, но, думаю, посмеяться над другими – грех не такой большой.

– Даже государство может развалиться, если смеяться над ним...

– Тогда день и ночь буду хохотать над выскочкой Валуа – Филиппом.

– А если Франция начнёт высмеивать твои пороки?

– Какое ей до меня дело? – недоумённо посмотрел на жену Александр, – и довольно! Смех всегда в моде и защищает порой лучше рыцарских доспехов.

– И насмерть разит друзей и врагов, – упрямо заключила Мария.

«А что, если она права?» – подумал Александр.

Его насмешка стоила жизни королю Богемии. Один

за другим ушли в мир иной мать с отцом, их забрала чума. Но откуда она взялась? Уж, не вошла ли в открытую им дверь? Если так, пора сочинять эпитафию весёлости нравов...

– Думаешь, дочь Иоганна была бы хорошей королевой? – попыталась высвободить мужа из паутины сомнений Мария.

– По крайней мере, она была плодовита, – с трудом оторвался от своих мыслей Александр.

– Плодовита?

– Да, подарила мужу одиннадцать детей.

– Одиннадцать, – ужаснулась Мария, целуя дочку в нос, – наверное, я однолюбка.

– И я однолюб...

– Ты – двух люб! Иначе София обидится.

– Ладно, двух люб. Но, знай, для меня ты единственная... королева сердца. Даже твой дядя смирился и считает твоё правление разумным.

– Тогда поговори с ним о моей маме, – умоляюще посмотрела на мужа Мария.

– Нет ни одной твоей просьбы, которую бы я не выполнил, – приник он к её губам.

Счастье делает людей щедрыми...

Рождение Софии отметили весело. Кажется, зима потеплела оттого, что появилась на свет девочка, похожая на ангела. Жизнь в замке завертелась вокруг неё.

Она уже держит головку!

Сидит!

Прорезался зубик!

Сделала первый шаг!

Ещё восьми месяцев нет, а уже пошла!

Необыкновенный ребёнок! Мамина копия, папин хвостик.

– Я для неё – вымя, а ты – и мать, и отец, – смеялась Мария.

С рождением дочери из подростка она превратилась в юную женщину. Немного округлилась, но это сделало её ещё соблазнительнее.

Казалось, её заинтересовала земная жизнь. С духами почти перестала общаться. Софию от груди не отлучала: хотела, чтобы дочь нуждалась в ней.

И всё было так хорошо, как быть не может, потому что плохое должно уравновешивать хорошее, иначе наступит хаос, а с ним и конец.

В сентябре 1350 года пришло известие о кончине короля Филиппа. И будто бы на тот свет его отправила молодая жена Бланка, ежечасно вызывавшая у супруга приливы страсти. От неистовой любви король стал худеть. За неделю старился на год. Годовщину свадьбы встретил в могиле.

А вскоре Малахия от странствующих францисканцев узнал, что новый король Иоанн, больше в отместку отцу, чем

по велению сердца женился на вдове герцога Булонского.

Герцогиня была намного старше Бланки, которую у сына увел Филипп. Иоанн не хотел быть посмешищем, сделал вид, что герцогиня предел его мечты, а утраченную честь компенсировал, транжиря деньги своей жены на Карла Испанского, щеголяя с ним под руку в кружевном плаще, не прикрывавшем зада. Народ смеялся им вслед: чума свела с ума королевский двор.

Смех был сквозь слёзы: что ждать французам от короля-безумца?

Новость не обрадовала...

Иоанн будет наживать себе новых друзей и врагов. Ни тем, ни другим Александру быть не хотелось.

Его устраивало отшельничество. Соседи, и те почти не навещали замок. Ровесники погибли в войнах. Друзья родителей давно ушли в мир иной.

Но!

Новый король мог захотеть устроить смотрины своих васалов...

– Не думай плохо, а то король поймает твои мысли, – шутливо поучала его жена, – ты в возрасте и ранен. Пошли гонца, что, например, прикован ты к постели. Типун мне на язык!

– Я к тебе прикован. Так и напишу. Государь, приковала меня к себе жена моя. Дышать без неё не могу. Глаза, не видя её, слепнут...

– Уши, не слыша её, глохнут, – смеясь, подсказала Мария и обвила мужа руками.

– Па-па, – притопала в зал София. – Папа!

Она шла твердо, чуть переваливаясь с ноги на ногу.

Намерение её вскоре всем стало ясным: будто паломник, добралась она до святыни, ухватилась за ногу отца, как за соломинку, вернее, за ось, вокруг которой отныне будет вертеться её жизнь.

А из другой, взрослой жизни, продолжали приходиться неутешительные вести. Иоанн приказал отрубить голову коннетаблю де Бриену. Без суда и приговора второй человек в стране, начальник всех рыцарей поплатился своей головой за то, что королю вздумалось утешить своего фаворита должностью и землями бывшего военного советника. Памфлетисты тут же окрестили Иоанна сыном ненавистной Хромоножки, из-за которой чума пришла во Францию. Какая «чума» ждет французов снова?

И вот ещё новость: король собирает рыцарей.

И теперь ему надо оставить жену и дочь, чтобы отправиться в Париж.

– Знать бы, для чего Бог лишает разума королей? – машинально озвучил он тревожную мысль.

– Чтобы люди догадались себе правителя выбирать, – не растерялась с ответом Мария.

– Как это, выбирать?

– Доверять власть тому, кто лучше, умнее, справедливее...

– По-твоему, Бог не справляется и хочет переложить свои обязанности на нас? – едва сдержал улыбку он.

– Люди должны отвечать за то, что с ними происходит.

– И самозванцы разных сословий соберутся на площади и кто кого перекричит: я хороший!

– Сейчас это трудно представить...

– Тебе бы памфлеты сочинять, – привлёк к себе жену Александр, – а мне что-то не хочется ко двору.

Мария выразительно посмотрела на него.

– Не бойся, ты не во вкусе короля...

– Почему это? Я храбр, хорош собой...

– Ах, так?! – потянулась она прикусить ему ухо.

И между супругами началась одна из тех любовных игр, которую нельзя описать, потому что язык глаз, губ, рук, запахов и звуков богаче слов. Мелодию любовных ласк тоже не удалось ещё выразить в нотах, сыграть на музыкальных инструментах, может быть потому, что струны сердца приводят в движение *иные* музыканты.

– Жаль, дядя так мало рассказал о маме, – заметила Мария, отдыхая на груди Александра.

– Что знал...

– Чтобы так ненавидеть, надо больше знать.

Александр улыбнулся в усы: по рассказам Малахии всех костров мира не хватило бы, чтобы расправиться с этой жен-

щиной, сущей дьяволицей. Как выяснилось, мать Марии была незаконнорожденной дочерью епископа.

Плод блуда с записочкой и кольцом – свидетелем невинной слабости и клятвопреступления, оказался на крыльце дома известного вельможи, старшего брата священника, которому ничего не оставалось, как поместить племянницу в монастырь. При этом карман монастыря пополнился настолько, что мог кормить его воспитанниц до ста, не меньше, лет.

Нетрудовые доходы, как водится, развратили монахинь, которые, поправ смирение, занялись алхимией, отчего монастырь превратился в вертеп, а все, кто находился в нём, в блудниц-еретичек. Скандал готов был выйти за стены монастыря, но кто-то (не иначе сам епископ) загасил его, вернее, снова заплатил, и немало.

«На земле деньги важнее Бога. Прости, Господи!...»

Перекрестившись, Малахия поспешил закончить рассказ тем, что мать Марии, покинув монастырь, вступила в еретическую связь с его младшим братом спиритуалом, которому и родила дочь. Но смущать умы дьявольскими наущениями продолжала, как и беседовать с душами умерших, предсказывать судьбы живых.

Благо, инквизиция не дремала, объявила её ведьмой и сожгла на костре.

О костре Александр, естественно, умолчал, но заметил жене: ты копия своей мамочки.

– Она заблудилась, – печально заметила Мария, – хотела поселиться в справедливой, радостной стране, а попала во Францию. Потом мы объехали всю Европу. Но везде встречали одно и то же: люди хотели и боялись её...

Всё в жене: от завитка волос за ухом до горбатенького мизинца на ноге – было мило его сердцу. Казалось, лёд проклятия растаял в груди. И всё же он знал: в нём живет злое, невероятной силы чудовище, способное всё уничтожить, если кто-то чужой дотронется до неё.

И вот надо её оставить.

Он получил уведомление о том, что ему следует прибыть в Сент-Уан, получить Орден Звезды.

«За какие заслуги?» – гадали они с Марией и решили: король вербует друзей, покупает верноподданнические чувства.

Как будто чувства – товар?!

И всё же, собирайся в дорогу, Александр!

Старый конь ещё в силе, а меч, щит и латы подновили кузнецы...

Дом в Сент-Уане, где собрались рыцари со всей Франции, поражал своим великолепием: и стены, и мебель были обтянуты золотой парчой, на столах стояла золотая посуда.

Александр, как и другим, были выданы: белый шёлковый плащ, алая шапочка с золотой пряжкой в виде звезды и зо-

лотое кольцо с финифтью, в знак обручения с королем, что воспринял он как оскорбление, и решил не оставлять без ответа.

Блеск золота, видно, многим помутил рассудок. Прежде всего, королю, который начал с того, что высмеял учрежденный королем Англии Орден Подвязки – ха-ха! и закончил тем, что учредил Орден Кутил.

Похвастать подвигами перед двумя писцами, призванными составлять летопись Ордена, рыцари не захотели, взяли реванш за столом, показывая чудеса чревоугодия. И с пьяных глаз, приняв друг друга за врага, разгромили всё вокруг в прах: навозными лепешками валялись под ногами золотые кубки...

И в этот же день – день Богоявления, англичане, пока комендант кутил в Сент-Уане, взяли французскую крепость.

Звезды явно не благоволили к Иоанну. По его расчёту рыцари должны были на Священном писании дать клятву никогда не отступить в бою и не сдаваться в плен врагу.

Но, видимо, король был пьян, когда мечтал об этом.

Наутро лишь полтора десятка из пяти сотен принесших клятву решили сдержать слово, и, протрезвев, ринулись отбить занятую неприятелем крепость. А, скорее всего, не протрезвев. И одурманенные хмелем удалыцы погибли в неравной схватке.

Александра в этой горстке безумцев не было. Сорвав с себя белый шёлковый плащ, бросив под ноги коню алую ша-

почку со звездой, он мчался во весь опор домой. Его люди еле поспевали за ним, посмеиваясь: жена для хозяина дороже Франции.

Долетев до ушей, шутка омрачила его ум, и он снёс голову тому, кто посмел усомниться в его храбрости.

Лоб горел. Мысли были как ветки в костёр...

То ему чудилось: замок завоевали испанцы, и Марии нет уже в живых. То казалось, она птицей летит ему навстречу.

Он всматривался в даль, сердце учащённо билось: мираж!

Жизнь похожа на ад: ничто хорошо не кончается.

Смерть настигает всё и всех...

«Вернись, прикажу возвести стены замка до неба» – решил Александр.

Первой его встретила дочь. Бросилась, раскрыв руки, обняла, спросила, будто не расставались ни на минуту.

– Папочка, наша мама чудная?

– Почему, чудная?

– Разговаривает с цветами, а у них нет ушек, – упорно повторила дочка, будто споря с кем-то невидимым.

– Ты сама так решила или кто-то сказал? – поинтересовался Александр.

– Она просила розу не вянуть, дождаться тебя, – чуть не расплакалась София.

– Запомни, лучше нашей мамы нет, – сказал он ей строго.

– Лучше папы! нет, – возразила она, прижавшись к нему

ещё сильнее.

Александр давно понял: дочь похожа на мать только внешне. Мария была не от мира сего, фея, при желании могла превратиться в бабочку, сесть на облако и улететь в небесную даль...

Софии нравилось жить на земле. Она была смелой весёлой козочкой, которой всё время хотелось бодаться, и в этом она была похожа на него. И к Богу относилась так же, как он когда-то в детстве, без почтения и интереса: даже язык ему нельзя показать, всё равно не увидит, вернее, не увидишь, что он увидел – оттого и неинтересно. Священника хоть за бороду можно дёрнуть. И вообще много занятного вокруг. И люди такие смешные. И все ей рады...

Софию и впрямь нельзя было не полюбить. При взгляде на неё, душа оттаивала. Александр как-то назвал её медовой девочкой, прозвище прижилось, лучше не придумаешь, когда у волос цвет липового мёда, у глаз – каштанового. А всегда розовые от беготни и шалостей щёки так и хочется ущипнуть или поцеловать.

– Жаль, что у меня невнимательная дочка, – с напускным огорчением произнёс Александр.

– Почему? – недоверчиво подняла на него огромные глаза София.

– Потому что у всех есть уши. У кошек, у собак. У цветов. Только они маленькие, их совсем не видно.

– У них маленькие ушки, а у меня маленькие глазки? – забыв, о чём начала разговор, заёрзала на руках отца София.

Слишком много ещё предстояло дел: научиться быстрее бегать, чтоб догонять дворовых мальчишек; накручивать волосы, чтоб няня не жаловалась, что они жёсткие как солома, и нарочно не дёргала...

Но самое главное, и пока тайное дело – родить двенадцать детишек (до двенадцати она научилась считать), чтобы ей с ними было интересней играть.

И тогда папа похвалит её, не оставит, не умчится на своём коне...

А мама, если ей больше нравится разговаривать с цветами, чем со своей дочкой, то и пусть...

– Я знала, что ты сегодня вернёшься, – вышла встречать мужа Мария, да так и застыла на крыльце, любуясь сценой, достойной кисти живописца: рыцарь в доспехах с воздушной девочкой на руках.

– Розовый куст подсказал? – улыбаясь, спросил Александр.

– Откуда ты знаешь?

– Пап! – предостерегающе приложила палец к губам София.

– Птичка пролетела, чирикнула, – подмигнув ей, ссадил дочь на землю, раскрыл руки для объятий жены Александр.

Ночью бог Морфей пожадничал для него сна.

Утомлённая ласками Мария мирно посапывала на его плече, а он, не умеющий разговаривать ни с цветами, ни с птицами, в словах Софии о матери прочёл опасность: не иначе, кто-то затеял интригу против его жены, и ему надо вычислить и убрать из замка этого затейника.

Мысли об этом отогнали робкие поползновения сна утяжелить его веки. Он с нежностью провёл рукой по разметавшимся волосам Марии, очертил в воздухе милый овал её лица, залюбовался густыми ресницами, в тени которых цвет её глаз был похож то на листья салата на грядке, то на хвою в ночном бору. И всегда, стоило ему в них заглянуть, ухало, падало в бездну его сердце.

«Бездна подруга Вечности» – сложилась мысль в голове.

Если так, возможно, Мария права, и существует Книга судеб, и Господь размножается людьми, как земляника отростками...

На этом благодность покинула его. Ожили прежние претензии к Богу. Зачем Он сотворил людей?

Скучно стало? Придумал игру «Поверьте и полюбите меня», и будто гончар из глины слепил игроков?

А он с детства не любил и не верил, и почему-то особенно злился на слова: плодитесь и размножайтесь. Не раз наблюдал, как мостился к корове бык, топтал кур петух, прижимал кошку к земле кот, а через время рождались новые коровы,

куры и кошки.

Потом сам подрос, и его, как любого самца, стало тянуть к женщинам. Но детей, плодов нелюбви *по своему образу и подобию* от хаотичных случек он не хотел.

Маленьким, он жалел, что не родился пчелой. Казалось, это и есть настоящая жизнь: летай, нектар собирай!

Может быть, оттого и родилась у него медовая дочка...

Всё не зря!

Александр вздохнул, очень уж ему хотелось поговорить с Марией о Боге. А ещё больше о любви: откуда люди узнали о ней? И любит ли она его так, как любит он? Она просила его любить её меньше Бога, а он не исполнил просьбы... неба, земли, лошадей, рыцарских поединков, своей жизни...

– Люблю тебя больше... – прошептал он ей на ухо, призадумался, подбирая слова, – больше неба, земли, лошадей, Бога, и даже больше самой ЛЮБВИ.

– Если в любви теряют себя, это болезнь, – сквозь сон проворговала она.

– Значит, я болен тобою, – безропотно заключил он.

А в голове пронеслась мысль: может, такая любовь – проклятье отца?

Все знают: на костре Магистр предал анафеме короля, папу, хранителя печати, и те умерли. А его незаконнорожденный сын больше смерти полюбил девушку-еретичку.

Или так случилось, потому что он сам еретик?

Потомок еретика.

Его прадед был пажом епископа катаров, наставника Совершенных, которых во Франции прозвали альбигойцами. Десять веков гуляло по странам Востока учение святого Мани о том, как победить Зло и Тьму, прежде чем на Западе забродили лучшие умы. И поэты, художники, философы, архитекторы объединились в секту Солнца, построили на вершине горы храм, чтобы в одно из солнцестояний превратить землю в рай, а людей – в ангелов.

Против новой ереси как всегда обратили пушки. Альбигойцам не позволено было проливать чужую кровь. Они встали на защиту своего храма Солнца и погибли, успев передать тайный завет нескольким посвящённым. Паж Наставника в их число не попал, но был свидетелем, и слышал всё, что завещалось. Во время последней схватки он спрятался в потаённой пещере, куда вход был доступен только ящерицам и детям.

Выжил. Бежал к границе с Испанией, где у отца была земля, и где он построил замок по образу и подобию альбигойскому, с направленными к солнцу бойницами в башнях и стенах.

«Однажды в день солнцестояния золотые лучи проникнут в наш замок, и Франция превратится в страну Кукану, где хлебы и сыры растут на деревьях, а люди живут, как хочется Богу» – посмеивался над своим отцом дед. А внуку говорил: *если бы люди занимались любовью днём, как куры или собаки, никому бы и в голову не пришло искать справедливость*

и поднимать бунты, потому что только любовь равняет всех, и только ей под силу дать счастье каждому.

– Рано ему ещё! – замечала мать.

– В тебе и в нём с рождения течёт кровь поклонников Солнца, – гордо вскидывал голову дед.

Ещё он говорил: во Францию стекаются все религии мира, чтобы папа отлавливал опасную для своего трона ересь и заливал её кровью.

А вот смешение крови своей дочери с кровью храмовника, видимо, грехом не считал, потому что – любовь! И внука любил.

Дед бы и Марию полюбил, потому что она – сама любовь.

Жаль, ни он, ни мать тайный завет альбигойцев не успел передать.

«Ложь – истина Люцифера...» – в предсмертном бреде заявил он.

А мать умерла ночью, во сне.

Однажды, когда он был ещё маленьким, она сильно заболела, позвала его и призналась наедине, что в одной из башен замурован заветный ларец, а когда выздоровела, объяснила: в бреде привиделось...

Может, и не привиделось. И где-то в замке похоронен рецепт счастья для всех. А он мучается. Боится потерять свою любимую. Хочет прорасти в ней, чтобы не пропустить ни одной мысли, ни одного чувства...»

*«Мы пришли на землю учиться любить, не научимся – беда...»

Маше показалось, это она пробормотала во сне, и это, точно, она нежится в постели с мужем.

Теперь понятно, почему она не то, что ждала, жаждала рыцарской любви.

Генная память.

А в этой жизни от рыцаря Александра её мужу только имя досталось.

Она грустно вздохнула, и решила больше не отвлекаться: хоть в прежней жизни побыть счастливой...

– Уже светает? – пробормотала Мария, не открывая глаз, – розмарин для пива нужен сонный, с холодком...

Она пошевелилась, вызывая у Александра знакомую реакцию – желание прижать её к себе и не отпускать, пока не извергнутся вулканы.

Но жена умела ускользать от него, особенно, когда торопилась к озеру за розмарином.

Лето выдалось жарким.

«Моё горло без твоего пива сгорит от жажды» – не раз признавался он ей.

Но к озеру отпускал одну.

Почему? Ведь это опасно. Столько бродяг развелось.

– Возьми меня с собой, – неожиданно смиренно, как нищий

на паперти, попросил он.

– Вместе босиком по росе? – лукаво спросила она.

– Босиком? По росе? – шутливо задумался он, – согласен, если понесёшь меня на руках!

– Ах, так! – бросила в него подушку она.

– Сдаюсь! – испуганно закричал он. – Мой язык хотел сказать, если я понесу тебя на руках...

– Хитрец! – рассмеялась она. – Тогда побежали! Умоемся в озере.

Легко сказать: из теплой постели в укрытое ночными туманами утро...

Роса ещё не блестела бриллиантами. И озеро ещё спало. Мария сбросила рубашку.

– Возьми меня на руки. Фея озера хочет благословить нас...

– Ну, если благословить, – неуверенно произнес он, – сама фея...

И разделся, и подхватил Марию на руки, стал целовать.

– Нет! Подожди! Послушай, что она скажет...

– Она говорит: нет меня счастливей на свете!

– Вот видишь, ты уже слышишь...

– Вижу или слышу?

– Помолчи. Надо попросить разрешения войти...

– Феюшка, разреши войти, а то замерзну или согрешу на берегу, – скороговоркой произнёс он. – Разрешила! – и,

охнув от хлестнувшей по ногам прохладной волне, заторопился скорее погрузить себя и свою драгоценную ношу в озеро.

– Сейчас вода святая. Проси, что хочешь...

– Хочу тебя.

– Вот видишь, фея...

– Она согласна. Благословляет. Будь по твоему, феюшка, – заторопился Александр, на мгновение отпуская Марию, и вновь прижимая к себе. – Давай постарайся. Если вода святая, то, может быть, у нас получится ребёнок. Сын. Нам не хватает сына. Эта вода – сама любовь. Боже...

Они слились воедино.

– Я в раю, – стонала Мария.

– Наконец-то ты моя. Вся.

– А ты – мой!

Вода всё теснее прижимала их друг к другу. Видно, фея озера решила преподнести им урок любви. Научить, как умеет любить природа. Вода бурлила вокруг них. Притяжение их тел было в тысячи раз сильнее притяжения земли. Они не могли оторваться друг от друга. И то ли слёзы, то ли брызги были в их глазах. И шёпот, и стоны, и смех, и дикий победный крик...

Но только они прилегли на воду отдохнуть, как услышали голос дочки.

– Папа! Мама! Где вы?

Софии недавно исполнилось десять лет. Ничто не угрожало ей стать гадким утёнком: с рождения она была маленькой женщиной, кроеной по неподвластным времени магическим лекалам...

– Рай нужно было создать не в саду, а в озере: здесь искушение одно – любить, – поднырнул под Марию Александр, потянул её за собой на дно.

Она еле вырвалась. Оглядывалась, шлёпала по воде руками. А его всё не было. Тогда и она нырнула.

– Испугалась? Любишь меня?

– Папа! – выбежала на берег София.

– Иди к нам, дочка, вода сегодня святая, вырастешь самой красивой, – позвал Александр.

– Мы раздеты, – шёпотом напомнила ему Мария.

– В раю все наги...

– Она догадается...

– Что я люблю тебя? – чмокнул он показавшийся над водой сосок её груди, – кстати, сегодня мы занимались любовью втроём, фея озера была на моей стороне.

– Нет, на моей!

– Так нас было четверо?

– Ты опьянел?

– Я пьян... тобою.

– Папа, дай мне руку, – капризно приказала София.

– Поняла, почему Господь не даёт нам больше детей?

Некогда было бы заниматься любовью, – спросил и сам от-

ветил на свой вопрос Александр.

Он подплыл к берегу, ухватив дочь за ногу, стащил её в воду.

Она хотела вознегодовать, но отцовские руки поддерживали её, стало не страшно. Пробуя поплыть, она стала бить кулаками по воде, подняла тысячи брызг. Праздник должен быть праздником. Настоящим, весёлым.

– Разожми кулаки, не бей, воде больно, – попыталась поймать дочку за руку Мария, – подрезай ладошкой, и гладь...

– Сегодня вода святая, проси, что хочешь, и сбудется! – был щедр от любви Александр.

– Хочу быть папиной женой, – жадно приникла губами к воде София.

– О, нет! – простонала Мария.

– Придумай другое желание! – нарочито испуганно завопил Александр.

– Почему? Ты меня не любишь?

– Люблю, поэтому предупреждаю: когда ты вырастешь, я стану старым, с одной рукой, одной ногой и большущим горбом, – принявшись изображать некое чудовище, Александр отпустил руки, и... дочь пошла под воду.

Мария подхватила её.

– Папа шутит, с его руками и ногами ничего не делается. Он только постареет. И я постарею. А ты будешь молодой и красивой. И мы выдадим тебя замуж за настоящего рыцаря. Скажи водичке, что ты хочешь выйти замуж за рыцаря...

– Я хочу выйти замуж... за папу! – то ли из упрямства, то ли с испугу произнесла трясущимися губами дочка.

– Всё, домой, она замёрзла, – заторопилась Мария.

София заплакала, сцепив руки на шее отца.

Но озеро без разговоров выплеснуло их на берег.

Мария отправила мужа с дочерью домой, сама осталась, нарвать веток розмарина.

К вечеру София заболела.

От сильного жара растаяла ревность к матери, она не отпускала её от себя, крепко держала за руку.

Мария тихонько ей пела, рассказывала о бабушке, о своих скитаниях по миру. Казалось, дочь не слышала её, но стоило Марии замолчать, как тут же София открывала глаза, запечёнными губами молила: продолжай...

– Хочешь, я расскажу тебе историю, которую мне в детстве рассказала мама, когда ещё я была маленькой, такой как ты?

В знак согласия София крепче сжала ей руку.

– Тогда слушай...

«...Это было давным-давно, когда Бог решил подарить людям землю. День и ночь думал, как украсить её, какие посадить деревья, цветы. Какую живность развести: от червячков, чтобы рыхлили землю, до серых волков, чтобы съедали больных зверей. Всё нужно было ему предусмотреть, решить, из чего сшить рыбам чешую, чтоб не промокнуть, медведям шерсть, не замерзнуть. А сколько трав нужно выра-

тить от разных болезней!

– Болезни он тоже придумал? – еле слышно спросила Софья.

– Нет, это мы сами, – поцеловала её руку Мария, – а звезды, прочитав мысли Бога, послали ему мешочки с разной глиной. Из одного мешочка он взял глину для зайчика, и немного оставил. Из второго, для пальмы. Из третьего – для льва. И что бы он ни лепил, всегда оставлял чуть-чуть. Так очередь дошла до человека. Но мешочки кончились. Бог огорчился: как же без человека? Но быстро нашел выход: собрал остатки глины, смешал их, вылепил человека и сказал ему: ты весь из всего – царь зверей и придорожная травинка. Всё в тебе! Обидишь кого-нибудь, себя обидишь, заболеешь...

– Я воду била... и заболела, – согласно кивнула Софья.

Ей как будто стало легче.

– Как заболела, так и выздоровеешь, – поцеловала её во влажный висок Мария, – сейчас водичку из озера принесут, обмоют тебя, жар и спадёт...

– Я попрошу у неё прощения...

Такими близкими мать и дочь больше никогда не были...»

**И моя Лада тоже больше любит отца.*

А моя любовь с Александром в нынешнем ремейке оказалась похожей на перелётную птицу: свила гнездо, вывела птенца и улетела.

Печально.

Ещё узнать бы, кого я так сильно обидела, что заслужила неизлечимую болезнь?..

Маша закрыла глаза.

Своё-чужое счастье не оказалось для неё лекарством.

Наоборот.

Не ревность. Не зависть. Нет!

Тоска.

«Не научишься любить – беда» – вспомнила она свои же слова.

Не научилась.

Себя обидела, обделила, вот и!..

Захотелось свернуться комочком, нырнуть в пустоту, забыться.

Но время не спит. И она встrepенулась: сколько строчек из жизни своей пропустила! Приникла к экрану...

«...Александр думал, календарь их с Марией любви слишком скор: времена года летят как дни. Вчера был День весны, сегодня День лета, завтра наступит День осени, за ним День зимы. И так промчались почти шестнадцать лет. Софии пора подумать о замужестве.

– Папа, я хочу в Париж, – на днях заявила она.

– И что ты будешь там делать? – нервно откликнулся он.

– Танцевать с тобой на балах.

– Возможно, король считает меня давно погибшим.

– Малахия сказал, ты плохо служил королю.

– Святоше пора отрезать язык, хотя, он прав: плохому королю служить хорошо невозможно.

– Если бы ты был королём, я бы стала твоей фавориткой, – стрельнула в него глазами София.

– В её годы я объехала много стран, узнала людей, а наши соседи такие пресные, неинтересные, – поддержала дочь Мария.

– Зато никто из них на меня не донёс, не пошёл войной, – вступился за соседей Александр, – сама знаешь, какая свара идёт на севере. Земли записаны беспорядочно. Права феодалов запутаны. Больше чем нужно причин для войны, которой не видно конца...

– А если война будет длиться сто лет, мне что, умереть старой девой? – хлопнула дверью София.

– Мама говорила, в Париже у нас есть знатная родня, – просительно посмотрела на мужа Мария. – И наша дочь могла бы найти достойную партию.

– Не могу представить, что София покинет нас, – заупрямился он.

– А мне подсказывает сердце: ей пора на свободу...

– Жаль, что дочери растут...

– И что Бог не дал нам других детей, – вздохнула она.

– София с детства обещала быть плодovитей тебя...

– Так это я виновата?!

– Всё ещё можно исправить. Пойдём на нашу полянку.

Помнишь, ту, где нас учили любить земля, трава, и солнце, и звёзды...

– Мы были как боги, и сотворили чудо – нашу дочку. Со дня зачатия я молилась за неё. И лекарню построила, чтобы зло нас обошло...

– А баню... для чего?

– Смывать грехи... с путников.

– Ты так говоришь, будто, – насторожился Александр.

– Иногда предчувствия бывают обманчивыми, – попыталась успокоить его Мария.

Король Иоанн Второй был пленён англичанами. Уповать народу стало не на кого, и дороги Франции запрудили те, кто надеялся прокормить себя легковерностью наивных провинциалов: разномастные колдуны, торговцы чудотворными мощами, хироманты, мнимые паралитики, и даже студенты.

Благодаря Марии замок в Пиренеях был добр ко всем.

Однажды Александр взял её с собой, посмотреть улов и поднять мост.

На другом берегу реки их поджидала кучка странников.

– Господин! Гроза начинается, разрешите нам заночевать в замке. Мы оплатим свой ночлег любой работой, – крикнул один из них, поплотнее.

– А я могу продать вам обгоревший палец главного тамплиера и прядь седых волос епископа из Монсегюра, – фальцетом предложил щедушный монах в лохмотьях.

«Мощи прибыли по адресу!» – помрачнел Александр.

– Я студент, архитектор, построю для вас всё, что захотите, поверьте, – без особой надежды на внимание представился юноша, длинный как жердь.

– Нам нужен хлеб для коз, – откликнулась Мария.

– Овчарни мало? – возразил Александр.

– Тесно там козам, а от их сыра зубы белые и кости крепкие.

– Но мост уже подняли.

– Опустят и поднимут снова.

– Что-то мне говорит: не делай этого, – пристально посмотрел на жену Александр, – но, если ты так считаешь...

Мария благодарно прижалась к мужу.

– Война разорила людей, им надо трудиться, поэтому надо построить ещё цеха для гончаров и стеклодувов, и для женщин, которые умеют шить и вязать.

– И прикажем Малахии открыть лавку по продаже нетленных останков отцов, – тихо пробормотал Александр.

– А он исповедует монаха и выяснит, что самозванец срезал волосы у случайной слепой старухи, а палец подобрал на кладбище, где жгли чумных, – ободряюще посмотрела на мужа Мария.

– Умешь ты успокоить меня, – усмехнулся он.

Между тем бродяги перешли мост и приблизились к ним. Живописное сборище неудачников возглавил переговор-

щик-студент. Что-то в благородных линиях его лица, манере говорить свидетельствовало: побираться – не его удел.

– Для вас работы много в нашем замке, но о ней мы поговорим завтра, – приветливо кивнула ему Мария, – а пока все ступайте в странноприимный дом, кстати, пора его достроить. Кадушки с водой приготовлены. Еду принесут.

Александр приказал стражнику проводить бродяг.

– Увидеть бы, кто пишет наши судьбы? – посмотрела в темнеющее небо Мария.

Мысли её занял этот парень, студент. Наверно, незаконорожденный сын какого-нибудь дворянина. Подсчитать бы, сколько на свете бастардов? И спросить у Бога: законны ли людские законы? Ведь любое рождение – божий промысел. Или это дьявол бросает людей в незаконные объятия? И семья, извергнувшееся в греховной связи, несёт проклятие: плод сеет зло, чтоб люди стелились по земле как сорняки...

– Ты куда улетела? – обнял за плечи жену Александр.

– Из случайных детей вырастают ненужные люди, – подвела итог своим мыслям она.

...Одной ночью дело не обошлось: бродяги прижились в замке. Их молодой предводитель Андреа и вправду оказался строителем, учившимся у одного из известных архитекторов Парижа. И хоть строить ему пришлось не дворцы, он всё же повеселел. И разговорился.

Мария любила людей, владеющих даром слова. Не удиви-

тельно, что беседы с юным мыслителем стали всё больше занимать её.

– Откуда люди знают о любви? – спросил он как-то, распахнув большие, в крапинку, будто перепелиные яйца, глаза, – ищут её на земле, дерутся за неё, умирают...

– Моя мама умела разговаривать с мёртвыми, так они рассказали, что на небесах бесы не живут, там царит божественная любовь, и все счастливы, – для убедительности сослалась она на спиритические способности своей матушки.

– Так уж и все?

– Те, кому не стыдно перед Богом.

– Это Ему должно быть стыдно! – неожиданно вспыхнул юноша.

– За что? – удивилась Мария.

– За то, что Адама с Евой сослал на Землю, которую вернее было бы назвать Каторгой!

– Почему, каторгой?

– А куда ещё отправляют людей в наказание? – с чувством «прощаю за глупость» возвысил голос Андреа. – И приговор на первый взгляд добренький: плодитесь и размножайтесь! А с кем, если вокруг отпрыски Адама и Евы, то есть, братья и сёстры? Как будто не знал, что при кровосмешении рождаются калеки и идиоты! Поэтому не стоит удивляться, что мы, их потомки, такие... – задумался он, подбирая слово деликатнее, – несовершеннолетние!

– Совершенные живут на небесах, – снова почувствовала

себя «глупой» Мария, и, чтобы исправить о себе впечатление, рассказала о принадлежности прадеда своего мужа к ордену рыцарей Солнца, которые стремились стать совершенными на земле, не забыла упомянуть и о замурованном в стенах замка таинственном ларце с заветом, как победить зло.

– Тогда само Провидение привело меня к вам! – забыв свои укоры к Богу, разволновался юноша.

Александр наблюдал за нескромно-смущёнными стараниями юноши привлечь внимание его жены с нарастающим негодованием. Сначала ему было смешно. Он даже думал: юная влюблённость пойдёт на пользу замку!

Парнишка ловко управлял людьми, заставляя их вытачивать нужного размера камни, шлифовать до зеркальной гладки. В дереве тоже знал толк. Да и фантазии ему было не занимать: дома в деревне вырастали каждый со своим лицом, цех для швей был похож на полушарие, для гончаров – на пирамиду, для кузнецов – на башню с бойницами.

Естественно, Мария не могла обойти его своим вниманием.

Возможно, ею даже владели чувства... материнские.

Но, заражаясь энергией переустройства, уж очень она сама расцвела!

И он просто вынужден был, начать ревновать жену к неистовому юнцу с блестящими от внутреннего огня глазами.

Мария же, казалось, этого не замечала.

Вечерами передавала ему, о чём они рассуждали-спорили, и выходило, что не расставалась со строителем и тогда, когда он занимался тем, чем было ему положено: строил днём и ночью, будто гнал сон, чтобы не проспать утро, не пропустить встречи с хозяйкой. Или всё это ему только чудилось?

Развеять сомнения могла бы поездка в Париж, но, похоже, жена готова была пойти на поводу у Софии и отправить их в столицу вдвоём, что побуждало его ещё больше настрожиться.

Тем более что Мария развила бурную деятельность по подготовке вояжа. Ей хотелось, чтобы дочь прибыла в Париж нарядной, уверенной в себе, и небо осуществило её желание, прислало с очередной порцией странников портниху, работавшую в салоне известной модистки и выброшенную на улицу из-за того, что многие знатные дамы их небольшого городка вдруг овдовели и перестали заказывать обновки.

У войны любимые наряды – бинты.

– Дочка, я заказала тебе платье, пойдём, посмотрим ткани, обсудим фасон, – явилась Мария к обеду с потрясающей, как ей казалось, новостью.

– Мама, мы с папой купим мне платья в Париже! Да, папочка?!

– Конечно, купим. Но разве ты не хочешь явиться в город своих надежд во всеоружии? – схитрил Александр, что-

бы поддержать жену.

– Помнишь, папа купил тебе зеленый шёлк, и сказал: твои волосы будут сверкать на нём как золото, – подсказала Мария.

– А ещё я сказал: все мужчины возрастом старше года признают в тебе королеву своего сердца и станут рыцарями, когда увидят тебя в платье из этого шёлка...

– Папа! Как жаль, что ты мой... папа, – в очередной раз призналась в любви отцу София.

– Молодых людей не густо в округе, – заметила Мария.

– Зато вокруг тебя густо!

– И ты могла бы подружиться с Андреа, он интересный человек...

– Он по уши влюблён в тебя, и никого вокруг не замечает! Сказал, хочет построить башню до неба, чтобы ты гуляла по звёздам... вот так, папуля!

«Их все сближает, даже ревность» – подумала Мария и! испугалась этой мысли.

– Тогда маму мы тоже возьмём с собой. В старом платье. Чтобы никто даже не подумал на неё взглянуть, – попытался отшутиться Александр.

«Прости!» – послал он взгляд жене.

«Софии нужна твоя поддержка» – улыбнулась она.

Это не просто: из девочки превратиться в девушку и жаждать нового превращения... в женщину. Мария как никто понимала свою дочь, смену её настроений, страх ожидания

и мечты о счастье. Главное, чтобы Бог послал её на Землю не в наказание, как считает Андреа...»

**Умру: не увижу, какой вырастет моя Ладушка, не узнаю, кто станет её мужем, не понянчу её ребенка...*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.